

-6

Formo

Solo

КОЛО

СОЛО

**ПРОЗА
ПОЭЗИЯ
ЭССЕ**

МОСКВА 1991

Редакционная коллегия

Андрей БИТОВ
Зуфар ГАРЕЕВ
Владимир ЗУЕВ
Александр МИХАЙЛОВ
Евгений ПОПОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей БИТОВ "Светлый подвал"	4
Владимир УФЛЯНД - Стихи	7
Виктор ГОЛЯВКИН "Утренняя прогулка"	11
Сергей ВОЛЬФ "Туесок нарциссизма". Стихи	31
Андрей БИТОВ "Китайцы. Такие дела. Чужая собака. Кощей Бес- смертный. Однокашники. Паффи. Воспоминание о бочке" - Проза	34
Олег ГРИГОРЬЕВ - Стихи	43
Инга ПЕТКЕВИЧ "Эники-беники" . Повесть	47
Генрих ШЕФ	86
Валерий ПОПОВ - Стихи	87
Рид ГРАЧЕВ "Разве просит арум у болота милостыни?" Эссе	90

СВЕТЛЫЙ ПОДВАЛ

В марте этого года в Москве состоялась четырехдневная научная конференция "Постмодернизм и мы". Причем, в стенах Литературного института им. Горького. Это примечательное и даже замечательное событие не могло не навести меня на грустные мысли о возрасте.

Конференция была очень представительна, весь цвет современных авангардных групп и течений (в том числе авторы "Соло"), переполненный зал, молодые люди, просвещенные лица... Как приятно видеть не морды, а лица, не искаженные агрессией или тщеславием посвященности, разглаженные знанием предмета и чувством собственного достоинства! Что-то, однако, и все-таки, и уже, **произовло**, слава Богу. "Андеграунд" собирается не в подполье, и вызов, сам по себе, уже ничего не стоит. Предъяви текст...

Зачем я туда зашел?.. Здесь меня уже не было. Я чувствовал себя почти Бабаевским. Здесь не было **нас**, здесь не было **моих**, здесь были все **свои**.

С радостью отыскал я в зале Сапгира и Холина, они и сейчас сидели рядом, как тридцать лет назад. Но показалось, что уселись они рядом не только как старые соратники, но и с испугу, чтобы держаться друг за друга: вокруг было **подавляющее** большинство.

А где же ленинградцы? Мелькнул Драгомощенко, в программке была заявлена Лена Шварц...

Ленинградцев **опять** не было.

Нас и тогда, тридцать пять лет тому, не было. И тогда **все** было в Москве.

Но для самих себя мы еще как были!

Голявкин.

Еремин, Уфлянд, Виноградов.

Найман, Бобышев, Рейн (и примкнувший к ним Бродский).

Горбовский, Кушнер, Яша Виньковецкий, Тарутин, Леня Агеев, Лена Кумпан, Лида Гладкая...

Сереза Вольф.

Соснора.

Володя Губин, Марамзин, Ефимов, Боря Вахтин...

Рид Грачев, Генрих Шеф, Майя Данини, Олег Базунов...

Вадик Федосеенко, Инга Петкевич, Валерий Попов...

Олег Григорьев.

Какие имена! Они ласкают мне ухо.

У тусовки есть один закон: есть те, кто на нее пришел. А тот, кто не пришел, того нет.

Впрочем, тогда не было такого слова "тусовка".

Разница возраста в три года казалась пропастью, как разница в поколение.

Абсолютное непризнание друг друга не было враждой.

По национальному признаку люди тогда вообще не разделялись.

Кроме Питера, вообще нигде не писали.

И до нас никто не писал.

Впрочем, про обзриутов еще никто не знал.

У Сережи Вольфа была книжка Заболоцкого "Столбцы". Но он ее никому не давал.

Песня "Когда качаются фонарики ночные..." была написана Глебом Горбовским в 1953 году.

А в 1953-ем вообще еще никто нигде ничего не писал.

Обзревая период 1956 - 1964 годов, я вижу тоже не морды, а лица. Помоложе этих, что набили сейчас этот легальный зал. Попроще, почище, повосторженней. Понеобразованней, конечно. Но тоже еще не злые. Эти, быть может, уже не злые (потому что неприлично), а мы были еще не. Потом отчасти стали. Зала у нас не было. Все больше прогулки вдвоем по Петербургу. Несколько помногочисленной сессии - дни рождений, Новые года и просто так - на кухнях и в коммуналках. Хороший зал нам отвели один раз, не хуже, чем в Литинституте, для Суда над Бродским. Здесь, на суде над нашим младшим товарищем, можно было встретить представителей всех противоборствующих групп.

Но это уже было время распада групп. Не заметили, как все произошло. Вдруг, ни с того, ни с сего перессорились. Переобъединились. Но это уже были не группы, а дружбы.

В тот период появление на небосклоне славы чуждых имен Евтушенко, Вознесенского, Аксенова лишь обсуждалось и осуждалось, без придания им значения. Они меркли в лучах собственной славы. Их печатали, нас не печатали - какое может быть сравнение! Вот если бы напечатали нас, то все бы и узнали...

Потом прошло пять, десять, пятнадцать, двадцать лет. Мы умерли, сошли с ума, уехали.

НАС - так никто и не узнал.

Мне всегда это казалось чудовищно несправедливым. Теперь уже то ли нет сил, то ли все равно. Все равно никому ничего не докажешь. Поезд ушел.

В 1956 - 1964-ом мы еще собирали сборники. Тот или иной "Петрополь" ходил по рукам, а потом в руках же и рассыпался. Раз в год, в "Советском писателе" с муками издавался альманах "Молодой Ленинград", но не приносил нам мировой и даже всесоюзной славы. (Мне казалось, что

он тогда и перестал выходить, когда мы поразошлись. Оказалось, он выходил вплоть до этого года. Лишь в этом году он уже не выйдет, что наводит на мысль, что наконец-то он стал не **один**, то есть стал не нужен.)

С 1964-го по 1991-ый, когда мы перестали собирать рукописные сборники, меня время от времени подмывало все-таки его собрать. Представительный! На память о **НАС!** В 1973-ем, с образованием ВААП, я даже явился туда с предложением его издать "на границу". Меня недопоняли. Сил моих не было. В 1979 году намерение это было перебито "Метрополем" (и опять почти без ленинградцев)... С 1985-го пошли новые возможности.

И вот только сейчас, в 1991-ом... И я не могу его собрать.

Во-первых, технически сложно. Все все-таки так или иначе напечаталось. Потом некогда. Некогда собирать.

Но и не у кого. Где кого найдешь...

Но и контекста не стало. Он вымер уже и во мне.

Этот сборничек представляет уже лишь мою память. То, что она за меня отобрала. Зато в нем то и так, как никто, кроме **НАС**, не знал и до сих пор не знает.

В этом сборничке нет ни конкуренции, ни представительства.

Здесь те, кем я восхищался и с кем дружил. Это не мой круг. Это я - их круга.

Здесь только близкие. Хоть и не все.

Но и не только моя фамильная и фамилярная беспринципность в отборе. Как раз, сам по себе, обнажился и принцип.

Это только "ворованный воздух". Так и не "взорванный".

Но тут-таки есть "проколы и прогулы" (Мандельштам).

Андеграунд - ведь это подвал.

Так светло, как в нем, мне после не было. И так легко больше не дышалось.

Формула "проверка временем" мне ненавистна.

Мы никак никого не старше, никто **нас** не моложе. Просто мы **РАНЬШЕ**, а они, так и быть, **ПОЗЖЕ**.

март 1991 г.

Андрей Б И Т О В

Владимир У Ф Л Я Н Д

Если я надоел вам живой,
Легендарный, руками, как граблями,
Обнимающий вас с женой,
Превратите меня в фотографию.

Стану я на рояль, присмирев,
Не способный покоя нарушить,
Будут родственники, осмелев,
Ставить рядом со мной безделушки...

Очарование этой интонации вошло в меня в 1956-ом. Я тогда же со слуха запомнил наизусть этот стишок и с тех пор ни разу не видел его напечатанным.

Я не был с Уфляндом знаком. Он пробыл легендой для меня (единственный из всех), именно подобный фотографии на рояле.

В конце 50-х в Ленинград приехал кто-то из московских "бонз" прокачать нашу областную идеологию. Было собрание в нашем Союзе писателей, что напротив Большого дома. Были приглашены и "молодые". Я был там. Нам поведали о ширящихся планах издательств. Кто-то из зала спросил: "А Уфлянда будете печатать?" Последовал утвердительный ответ: "Да, иностранных авторов тоже". (Имелся в виду немецкий поэт XVIII века Уланд.) Оратор не понял дружного смеха.

Я дружил с его стихами, раз уж не с ним.

Каково же мне было познакомиться с ним "после всего", уже в восьмидесятые годы. Обнаружить, что он "живой", а не фотография.

Сейчас именно он душеприказчик Бродского у нас в стране.

* * *

Мир человеческий изменчив,
по замыслу его когда-то сделавших:
сто лет тому назад любили женщин,
а в наше время чаще любят девушек.
Сто лет назад ходили оборванцами,
неграмотными, в шкурах покоробленных.
Сто лет назад сильнее любили Францию,
а в наши дни сильнее любят родину.
Сто лет назад в особняке помещицьем,
при сальных, оплывающих свечах,
всю жизнь прожить чужим посмешищем
легко могли б вы,
но сейчас,

сейчас не любят нравственных калек,
веселых любят,
полных смелости,
таких, как я:
веселый человек,
типичный представитель современности.

1957

Рассказ пограничника

Когда шпион в Америке родится,
в семье политика или юриста,
в тревоге просыпается граница,
и ветер над границею ярится.

Когда он в школе у себя по всем предметам
оказывается впереди,
то нет уже ни сантиметра,
где мог бы он границу перейти.
Когда он начинает сверху вниз
поглядывать на средних жителей,
мы ставим на границе механизм
для безотказной ловли нарушителей.

Когда же настает пора диверсий,
он,
перед фактом неприступности кордонов
поставленный,
все "за" и "против" взвесив,
и сделав вывод,
остается дома.

1957

Себе

Что делать, если ты художник слабый?
Учиться в Лондоне, Берлине или Риме?
Что делать, если не хватает славы?
Жениться на известной балерине?
Что делать, если хочешь быть примером?
Писать руководителей портреты?
Что делать, если нет своей манеры?
Писать в чужой?
Чужой присвоить метод?
Что делать, если до тебя сто раз

писали так же?
И писали то же?
Что делать?
Стоит ли стараться?
Что делать, если ты плохой художник?

1957

Откровение горожанина

Крестьянин крепок костями.
Он принципиален и прост.
Мне хочется стать крестьянином,
вступив, если надо, в колхоз.
Судьба у крестьянина древняя:
жать, в землю зерно бросать,
да изредка, время от времени,
Россию ходить спасать
от немцев, варяг или греков.

Ему помогает Мороз.

Я тоже сделаюсь крепок,
принципиален и прост.

1958

* * *

Уже давным-давно замечено,
как некрасив в скафандре Водолаз.

Но, несомненно,
есть на свете женщина,
что и такому б отдалась.

Быть может, выйдет из воды он прочь,
обвешанный концами водорослей,
и выпадет ему сегодня ночь,
наполненная массой удовольствий.
(Не в этот,
так в другой такой же раз.)

Та женщина отказывала многим.
Ей нужен непременно Водолаз,
резиновый,
стальной,
свинцовоногий.

Вот ты,
хоть не резиновый,
но скользкий.
И отвратителен,
особенно нагой.

Но Женщина ждет и Тебя,
поскольку
Ей нужен именно такой.

1959

* * *

Виктор ГОЛЯВКИН

Гений. Он и сам так считал. И мы так считали.

Он был вне обсуждения. И это было нормально.

"Нормально" – было его главное слово. Как и слово "вообще"(вааще).

Его прозу можно определить как единственно нормальную реакцию на то, что вокруг.

Предшества ему не было. Он возник на ровном месте. Когда его в Академии художеств, где он учился живописи, профессор спросил (ревнуя к его растущей писательской славе), кем же он все-таки собирается быть, художником или писателем, Голявкин ответил: "А кем вааще-то был Леонардо да Винчи?" На что профессор законно возмутился: "А вы что себя с ним сравниваете?" На что Голявкин, в своем праве, отвечал: "А что мне себя с вами сравнивать?" Когда у него в интервью спросили, кто его учитель в литературе, он отвечал: "Вааще? Чарли Чаплин". Когда он сдавал экзамен по анатомии, обязательный в Академии и формальный, как физкультура, он умудрился его не сдать, ответив на наводящий на троечку вопрос экзаменатора: "Сколько у человека костей в черепе?" – "Две". Экзаменатор попросил показать. "Вот эта, – сказал Голявкин, схватившись за лоб, – и вот эта", – сказал он, пошатав себе челюсть. Экзаменатор заинтересовался и спросил, сколько у человека зубов. Голявкин не стал утруждать себя подсчетом, не стал совать палец в рот. "Сто", – ответил он. Ответ Цезаря.

Он и был Цезарь. Истории о нем переходили из уст в уста, наряду с его рассказами. Казалось, он сначала разыгрывал свой абсурд в жизни, а потом на бумаге. Он был органичен.

Он первый из нас напечатал книжку. Его "взрослые" рассказы не могли быть напечатаны, так он написал "детские". Это была очаровательная книжка – "Тетрадки под дождем". К нему пришли достаток (по сравнению с нами, естественно) и успех. Он купил несколько пар обуви и много дорогой масляной краски. Он выстраивал ботинки в шеренгу и выдавливал целиком драгоценный тюбик на один мазок. Вторая книжка "Наши с Вовкой разговоры" не произвела столь же ослепительного впечатления.

Я встретил Голявкина тогда на Литейном. "Ну, что за люди, вааще, что за люди! – пожаловался он мне. – Представляешь, иду я сейчас, а мне с той стороны улицы кто-то машет и кричит. А потом бежит, ничего не видя, чуть под трамвай не попал, с протянутой рукой, и сияет. Трясет мне руку и радостно так гворит: "Хуже! Хуже!" "Что хуже?" – спрашиваю я. "Вторая книжка – хуже!"

Спустя лет двадцать репутация детского писателя Голявкина стала столь прочной, что были напечатаны и "взрослые" его рассказы в сборнике "Привет вам, птицы!" Но это произошло глухо, по-ленинградски.

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА (человеческая комедия)

Орут, толкаются - просто жуть! Сидят друг на друге, иные стоят, иные вышли. Иных вывели, чтоб не шумели. Иные скрылись в толпе и потом потерялись. Многих потом не нашли - фу ты, черт! Иных уговаривали, но тщетно. Двоих подняли и понесли, но не донесли, уронили и шибко ушибли. Троиц причинили увечья, то есть: им вывихнули носы. Одному придавили уши. Несчастье какое!

Теперь дальше.

Ввезли повозку в самую гущу. Одно колесо оторвали. Зачем это сделали, неизвестно. Никто не знает зачем.

Дальше.

В левую сторону давили больше, чем в правую. По неизвестной абсолютно причине удлиннили ширину. Представляете, какой скандал?

Дальше.

Улюлюкали, что совершенно зря. Вполне можно было не улюлюкать.

Кстати, о девушках.

Одной девушке ночью приснился будильник. Она в крике проснулась и стала орать, да так громко, что все в доме проснулись и стали спрашивать, кто орет и в чем дело, а потом все опять улеглись и заснули, и девушка тоже заснула.

А одна девушка подошла к нему, и они ушли, а потом вышли. А другая - училась играть на скрипке.

Я ничего не хочу этим сказать, поскольку девушки здесь ни при чем.

Или вот, например: зачем нам? Кто знает? Никто не знает? Я тоже не знаю.

Кто хочет выйти - идите. Не больше пяти с половиной минут. Потом пойдем дальше.

Так. Пошли дальше.

Вот вы кого славите? Тверь? А этот славит Пермь. Главное, чтоб не в обиде. Все довольны, и слава богу, и всем долгой жизни!

У него было восемь окон в департаменте - нормальных, со стеклами, натуральных. Это был не департамент Сены, а другой департамент. И не в Париже, а совсем в другом месте. И под словом "департамент" подразумевается совсем другое, не то, что обычно имеют в виду. Он всегда радовался этим окнам. И каждый день ходил в театр мимо этих окон. А потом у него что-то случилось, и он все окна забил фанерой. Только одно оставил. А потом и это единственное окно тоже забил. И стал грустный.

Нашел ее. Места в департаменте было много. Куда одному столько места! А с ней веселей. Печали меньше, и безусловно толковей. Оттого,

льный был человек! Мы с ним вместе в школе учились. Только я его на зремя забыл. Потом вспомнил.

.....
Он опаздывал в оперетту. И не мог найти свою шапку. Трах! - кулаком по столу, и ругается. Сам с собой - чудной парень был! Ох, он крепко ругался! А шапки-то все равно нет. Она ведь не прибежит к нему. Верно? А он все орет и орет. Чудак! Ногами топает. Даже башкой в стенку ткнул. Да так, что шишка вскочила. А шапки все равно не видать. Ну, что тут было! Трах-тарарах! - все крошит, ломает - известка, пыль... А шапки-то все равно нет. Поискать шапку нужно, а он шумит. Напрасно он это делает. Ну, тогда он как разбежится, да головой в печку ка-ак двинет... Упал и забыл про шапку. И про оперетту забыл. Расстроился, погоревал. Неприятно же про оперетту забыть! Дальше вот что было. Встал он и вспомнил про оперетту. А про шапку так и не вспомнил. А на часах уже время не то. Опоздал в оперетту. На другой день шапка сама нашлась, и он даже не помнил, что искал ее. Только вот что случилось с ним. Он как-то странно стал разговаривать. Приблизительно так: "Здравствуйте, Ай-Петри, мой дорогой, Ай-Петри, я вас, Ай-Петри, давно не видел, Ай-Петри..." А почему? Неясно. Без всякой на то причины. Он работал счетчиком и лектором. Его сняли, и правильно сделали, какой же теперь он счетчик и лектор, когда "Ай-Петри" твердит! Потом он у кого-то что-то спросил, и, вероятно, сказал "Ай-Петри", и его за это побили. Да так, что еле живой остался. Наверное, думали, он нарочно. В больнице ему понравилось. Ему там халатик дали. И он с ним не хотел расставаться. Но пришлось расстаться. Он вышел - нагрянул праздник. Кругом музыка, флаги, дети. И он, безусловно, пошел погулять. И на пороге внезапно скончался. Вот повезло человеку! Умереть окруженным детьми, демонстрантами, транспарантами...

Он мне рассказал свою жизнь, жизнь не очень удачливого человека. Эта жизнь прошла перед вами и передо мной. Мы проследили жизненный путь, так сказать, с начала до самой смерти.

А теперь:

Описание деревенской природы для отдыха

Козочки на веревочке. Благодать. Чернозем. Огурцы. Кизилловые деревья. Пашут. Сеют. Жнут. Плуг. Долина. Мотыга. Оглобли. Грабли. Лопата. Солома. Глиняные горшки. Огородное пугало.

Отдохнули? Пошли дальше.

Один великий писатель купался в тазу. Он ногами в тазу стоял, а из стакана лил воду...

Это тоже для отдыха. А теперь дальше.

Про наводчика. Наведет на кого - тот пропал. На этого наведет - пропал этот. Не наведет - не пропал. Наведет - пропал. Большой человек был. Жулик. Потом он, правда, умер. Но перед этим жил. Чуть не сто лет.

Я хотел сказать об одном слове, а именно слове "давит". Именно это слово употреблялось в смысле "спит". То есть, спит человек, значит, попросту - давит. Тот, о ком речь, давил в сутки по целым суткам. И было как-то обидно смотреть, как он давит, в то время как на дворе нет тумана, напротив, - солнышко, и люди фланируют с радостью. А он знай себе спит. Может быть, ему снились сны, и во сне он фланировал при гораздо лучшей погоде, или он в кабриолете ездил, махал шляпой знакомым, был беспредельно весел, и в то же время давил со страшной силой. Чувствовал себя мило. И трудно винить его в чем-либо. Ему это не вредно было. Ему не худо было. И даже если сны ему не снились, его не пугало. Факт, что он давил с радостью, необъяснимым упорством и методичностью, говорит о многом. Он хотел спать и спал, и пусть себе спит, и пусть себе давит! Если кто возразит и скажет, что он все проспал и так далее, то это еще неизвестно, на воде вилами писано, так что, знаете...

Я заснул у телетайпа. А другой пришел, меня разбудил. Я его фамилии даже не знаю. Знаю, что он УНИКА. Как хотите понимайте. Вставляет себе в зад пластинку и:

- Тру-лю-лю! Тру-лю-лю!

Просто? Просто.

Или же:

- Там, там, там! Там, там, там!

Просто? Просто.

Или же:

- Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!

Тоже ведь очень просто. И пока не снимет пластинку. Потом перевы. И опять в зад пластинку. И пошла та же музыка. Пластинка в бордюрах. Бывают желтые с белым бордюром. Бывают в сплошных бордюрах. Бывают с разрывами - есть бордюры, нет бордюра. Бордюры в основном простые и ясные. Пара светлых цветочков с листочком. Или пара листочков с одним цветочком. Или попарно, так сказать: пара тех, пара этих. Два цветочка - два листочка. Музыка! Музыка! На столах горят свечи. Торжественность небывалая! Музыка дудок: ду-ди-ду-ри-ди! Музыка барабана: бам-бам-бам! И т.д.

Другие слушают, выпятив уши. Мозги набекрень. Затылки с дырками. Рты до ушей. Животы пустые. Дети не понимают. Дети спрашивают - им объясняют. Что дети? Дети есть дети. Дети тут ни при чем. Жалко детей.

Сделаем экскурс в историю.

Почему сейчас фамилии пишутся по алфавиту? Вот почему. Раньше этого не было. Писали просто. Одно за другим. Это было, конечно, ошибкой. Один поднял этот вопрос. Он на А начинался. А очутился в конце. Ему показалось, что он несчастный, покинутый, оскорбленный, брошенный и т.д. И он стал кидаться камнями в других, в тех, кто был первым,

вторым, даже третьим. Это был обыкновенный список: не то какая-то афиша, не то какой-то список избирателей, не то еще что-то. Он разбил голову двоим или троим, а двоим попал в ногу. А потом убежал в другой город и там сколотил отряд, и этот отряд был из тех, кто был в списках последними, их набралось порядочно. Точно столько же, сколько и первых. И эти напали на тех. Бой. Стратегия. Ранения. Убитые. Фанфары. Потом переговоры. Полководец последних по спискам говорит полководцу первых:

- Вы это что? А?!

А тот ему:

- А чего? Ишь ты!

Этот ему:

- Мы вас всех!

А тот ему:

- Нет, мы вас всех!

Тогда этот ему говорит:

- А ты скотина, свинья и дохлятина!

А тот ему говорит:

- А ты дубина, осина и ель вонючая!

А этот ему говорит:

- А вы все убудки, верблюды, бараны, гады полосатые, отродье; сито непочиненное, ведро дырявое, лопухий лоботряс, трескучая дробилка, кухонная полка, поганая дверная ручка, журчащий ватерклозет, ватерклозетовский балбес, дырка, и т.д.

И тот ему в таком же роде.

Потом переговоры кончаются. Оба генерала отходят к своим позициям, и начинается великая свистопляска. Опять бой, выстрелы, кирасиры, рапиры, танки, бомбы, взрывы, атаки, люди смешались в залапах ракет...

А потом, перебив друг друга порядком, сказали так:

- Давайте так! Давайте по алфавиту!

И все стали по алфавиту. И всем стало хорошо и легко на душе.

А потом опять все пошло по-старому, и назревали конфликты.

Что-то роман не komponуется. Экая досада. Ну, ладно. Сели. Отдохнули. Посидели. Почесались. У кого есть вши - половите вшей. Так. Посидели. Половили? Скомпоновали? Пошли дальше. Ничего не забыли? А если забыли, то и вспоминать нечего. Велика важность! Вы никогда ничего забывали? Ваша бабушка никогда ничего не забывала?

.....
Вот сейчас, когда пишется этот роман, величайший, я бы сказал, из великих, непревзойденный роман (не обращайте внимания на мои слова, все так говорят, ну, если не говорят, то думают, ну и я со всеми), сейчас, когда я пишу его в этот яркий исторический миг, я вдруг

вспомнил о радости творчества. Может быть, я бы не вспомнил о ней, не будь все так охвачены ею. А в чем, собственно, радость? Мне это как-то трудно понять. Я не имею об этом понятия. Это мне незнакомо. Я не встречался с этим. И, вероятно, не встречу. Что делать! Я ведь веселый, такой весельчак, прямо дух захватывает у меня от веселья, но это не в полном смысле радость. Хотя, вполне возможно, удачно законченное произведение того или иного творческого человека доставляет ему радость.

Но когда я сижу, чиркаю и вычеркиваю – чего тут радостного – не понимаю! Может быть, только сознание того, что ты пророк, способный осчастливить человечество своими мыслями и советами, – только это может дать бешеную энергию сидеть за столом и чиркать. Может быть, это дает умиление собой и, соответственно, радость. Но ведь это все так несерьезно!

Несерьезно, потому что человек, возомнивший себя бог знает кем, учителем человечества, на самом деле таковым не является. Он не является таковым, потому что ни один человек не нуждается в таком учителе. Если ему навязывают эту роль – совсем другое дело! Но, в общем, все трудятся. И я со всеми. По мере возможностей. Так вот, я о радости творчества. По-моему, нет такой радости, не бывает. Я большую радость чувствую, когда плаваю, беседую, жарю, варю, парю, колю, пилю, смеюсь, сплю, ежу, пью. А великие писатели писали по разным причинам. Один – оттого, что ему не хватало денег. Другой – ему было что-то неясно, или наоборот – проще простого. Третий от того, четвертый – от пятого. Этот роман я пишу оттого, собственно говоря, что мне, может, тоже что-то в какой-то мере неясно. Или проще простого. По-моему, это естественно. И не так уж плохо найти такое применение своим данным.

А теперь пойдем дальше.

Вчера ко мне две мыслишки пришли, не очень серьезные, и не так, чтобы важные, в общем, так себе мыслишки. Ну я их, право, забыл. Тут мне еще две мыслишки пришли. Я и эти забыл. А это в гостях было. Ну какие там гости! Свои все.

И вот мне говорит хозяйка:

– Ты чего все забываешь? Чайник поставил и забыл.

– Какой, – говорю, – чайник? – Я и вправду забыл, что поставил чайник, я чай пить хотел, попросил разрешения и (ну, старые ведь друзья, сам все могу, зачем их беспокоить) вот и поставил сам чайник, чтоб выпить чайку.

– Ох! – говорю. – Я поставил чайник, и вправду я ведь чайник поставил! – И я пошел и отставил его с огня в сторонку. Но чай пить не стал. Не захотелось мне как-то после этого чай пить. Бывает так. Ну и все. Просто мелочи. Просто хозяйственные дела. То есть, чайник и прочее. Ну, кастрюльки там, сковородки, да мало ли что! Но я не об этом.

2. Зяк. 224

Я, значит, не захотел пить чай, ну и, само собой, делать нечего, раз чай не пью, я идти собрался. Надел я пальто и шляпу и собираюсь идти. Посмотрел в зеркало, шляпу поправил и глаз почесал, потом снял шляпу и снова надел, чтобы она, значит, лучше сидела. Ну, сами знаете, все ведь так делают. Ну и я со всеми. Ну я и говорю:

- Я пошел.

- Будь здоров, - говорят они.

Я даже вздрогнул от этих слов. И говорю:

- Я вполне здоров.

- Не совсем, - говорят.

- А вы? - спрашиваю.

- И мы, - говорят. И совершенно спокойно. Нисколючки не волнуясь.

- Значит, мы не совсем здоровы?

- Как хочешь думай, - они говорят. - Но мы так думаем. Мы недавно что-то почувствовали. И в себе заметили. У нас мысли как-то по-разному шли. У нее одни были мысли, а у меня совершенно другие. И наоборот. У меня одни - у нее другие. Мы с ней привыкли к этому. И вдруг - бах! Мы однажды подумали вместе. Сразу об одном и том же. Испугались. Нам показалось что-то. А что - неизвестно. Мы ничего не поняли.

- А ты тут причем? - говорю.

- А ты подумай, - они говорят.

- Ёрунда, - говорю. - Я здоров. Никогда, - говорю, - у меня так не было, чтобы я вместе с кем-то думал. А если бы даже и было, то что в этом такого?

- А ты подумай, - они говорят.

Я стал думать. Что-то смутное стало ко мне приходить, уходить, возвращаться, расплываться в тумане. Но четкого ничего не было. Такого, чтоб все понятно.

Он говорит:

- Я однажды работал. И вдруг упал. Потом встал и сейчас же решил, что на улице праздник. Я перепутал год и месяц и очутился совсем в другом мире. Теперь ты скажи, что за мир это был? Я потом отошел и все вспомнил. И все снова пошло как прежде. И, как видишь, все снова прекрасно. Я знаю, какой сейчас год и месяц.

- Что за чушь? - говорю.

- Вот именно, - говорят они. - Чушь, не иначе. Но все же...

И они на меня смотрят, как будто бы я нездоров. И я тоже смотрю, и мне кажется, что они, ну, в общем, нездоровы. А потом - ничего. Все нормально. Я улыбнулся. И вышел на улицу. И ничего. Иду себе по улице. Дождь идет. И я иду. Все, в общем, в полном порядке. Потом я снял шляпу и держу ее в одной руке, а другой рукой эдак махаю, иду себе.

Я шел совершенно спокойно. Рукой я махал не просто так. Я кое в чем смыслю. Я знаю, зачем я машу рукой. У меня так часы заводятся.

они с подзаподом, баланс амортизирован. Ну, дело не в этом. Я шел. И дождь лил на мою непокрытую голову.

И пришли ко мне мысли такие. Как будто бы я сейчас же должен уехать. Ну, не сейчас, а вообще. Мне, правда, некуда было ехать, но ведь бывает, знаете, хочется ехать. Я считаю, ничего в этом нет предосудительного. А то, что мне эти люди сказали, так это чушь. Будто все так и есть, как они говорят! Да они не могут знать. Они себе в голову не залезут. Кто может залезть себе в голову, а тем более ко мне, никто, никто абсолютно не может...

Потом вспомнил о карусели: слоны, кони, музыка, два-три жирафа. И дети. Дети и взрослые. Крутятся, крутятся... и-и-и-эх! Хорошо!

Я прошел мимо. Детство вспомнил. Был садик. И я там в песочке рылся. Ведерко наполнял и сыпал на голову Петьке. Как вспомню! Скандалы. И наши мамы. Конфет не дают. Мороженое не покупают. Петькина голова вся в песке. Меня ругают. Его уводят. Потом он выходит чистый, с непомерно вымытой головой, и мать его мне говорит: "Ты мне смотри! Только вздумай, попробуй; вас много, а голова уже вымыта..." Я прячусь в угол и дико смотрю на его удивительно чистую голову. И думаю о своей голове. Вспоминаю школу, Анну Палну, Марью Салну, Инну, Унну, Канну Исидоровну, канюченье, выучиванье, замалчиванье...

Вот так, вспоминая, махал я рукой, и часы у меня заводились.

И я подошел к своему дому. И ничего не случилось на моем пути. Ровным счетом ничего. Хотя, вероятно, вы думали, что произойдет нечто. Тут вроде бы и нет ничего такого, чем можно заинтересовать читателя. Но как бы не так!

Вот встает один и заявляет во всеуслышание:

- Кончайте этот бред! Дальше мы с вами так не пойдем! Возьмите свой роман и повесьте его на гвоздик, там, где он нужнее!

Я нарочно выделил его слова, чтобы вы обратили на них внимание. Я для того выделил его слова, чтобы кто-нибудь еще дал ему экземпляры несравненного романа, чтобы он пошел туда, куда так настойчиво стремится. И пусть он сидит там до тех пор, пока все экземпляры моего несравненного романа не пойдут на его необходимые в таком месте нужды. Его место там, с моим романом! Пожелаем же им обоим (ему и роману) здоровья, выдержки и созидательной работы!

Спрашивается, почему же я так не дорожу своим романом, позволяя вешать его на гвоздик и давая возможность этому типу... От вас зависит, куда вы денете свои экземпляры, у меня не книжный магазин!

А вы что хотели сказать? Ничего? А вы? Ничего? Ну, пожалуйста, пожалуйста... Ах, вы спрашиваете меня, кто будет это читать? Отвечаю: "Вы!" Ах, вы не будете? Почему же? Вам не нравится? Ну, тогда не читайте, в чем же дело? Вы школу окончили? Окончили. Молодец. Еще что-нибудь окончили? Не хотите отвечать? Почему же? Потому что плевали на

2

меня и мой роман? Тогда прочтите. Не будете читать? Напрасно. Если будете плевать, как верблюд, и не будете ничего читать, останетесь на очень низком уровне развития. Ах, вы будете читать что-нибудь другое? Полезно, полезно, начинайте прямо с букваря!

Ах, никто не будет читать мой роман?

Будут. Куда они денутся!

А вы, девушка, что так рот разинули? Ничего не понятно? Ничего? Ровным счетом? Совершенно? Ни-ни? Нисколько? Вовсе? Правда?

Ну, миленькая вы моя! Лю-лю! Ну, ладно, ладно, не обижайся, девка! Чего тебе обижаться! С такими-то ногами! С такой-то вирзохой! Ну вот, обиделась, ушла, вот что значит: не понимает, когда ее хвалят, уважают. За что же еще хвалить? Не за разинутый же рот, господи, куда ворона может залететь!

А вы что там шебуршитесь? Вши вас там заели, что ли? Вши недоверия?

О! Жму вашу руку! Вы меня отлично поняли! Как в старинной песне - грога стакан! Пейте, мой дорогой! Выпьем с вами! Оп-ля! Прекрасно!..

Вы говорите, что понимать-то здесь нечего? Конечно, нечего! Чего уж тут понимать, когда все понятно!

.....
 Фотокросс с мотоциклами. Кросс по кругу. Все бегут за мотоциклами. У каждого бегущего по три фотоаппарата. Таково условие. Самое интересное начинается, когда становится непонятно, кто за кем бежит, и зачем, и какой в этом смысл, и вообще - что это такое.

Прекрасное зрелище. Вид необычен. Все кричат.

Некоторые бросают фотоаппараты. Очко. Некоторые бросают по два два очка. Иные по три-три очка. Четырех очков не бывает. В связи с фотоаппаратами. Только три. Но не четыре. Чем больше очков - тем лучше. Или хуже. Не в этом дело. Очки идут, скачут. Мотоциклы стучат. Все довольно мило.

Потом люди группами расходятся. Спорят. Хихикают. Бьют друг друга по морде. Крик. Ругань. Группы.

Оттого, что кросс-фото-мото, и все.

Мочалка! Сколько в этом слове! Для людей всех поколений и национальностей слилось и сколько в нем отозвалось!

По-русски - мочалка. По-украински - вихотка! По-азербайджански, по-индийски, по-немецки, по-английски, по-французски, по-аварски, по-венгерски, по-чешски, по-польски, по-старославянски, по-чеченски, по-шведски, по-норвежски, по-татарски, по-еврейски, по-фински, по-японски, по-афгански, по-таджикски, по-узбекски, по-албански, по-сербски, по-хорватски, по-китайски... дабы слово "мочалка" звучало на всех языках как символ дружбы, символ сближения всех народов земли, всех наци-

ональностей, как больших, так и малых, независимо от принадлежности к любой партии, вероисповеданию и шатанию в любую сторону. Я приветствую все народы мира, всех людей земли, и тех, и этих, и других, и разных. Так. Очень хорошо. Отлично! А теперь пожем друг другу руки и будем мыться!

- Потрите мне спину мочалкой!
- Мочалку потеряли!
- Катитесь вы со своей мочалкой к чертовой матери!

А что бы мы без мочалки делали? Терли бы нас, вас, всех, их - тряпками, пемзами, зазгами, кошачьи хвостами, обложками от книжки, табуреткой, доской, кордебалетом, шкафом, ежом, утягом, да мало ли чем, если бы не было мочалки.

У нас тут и кроме мочалки есть о чем поговорить. Уж я вас доконаю, милые мои, дорогие мои, редким даром красноречия, выдающейся нудностью и несравненным оптимизмом...

А теперь выпьем!

- Вы сколько можете выпить?
- А вы?
- Сколько могу, столько и могу!
- Я вообще не могу (в смысле болезни).

- А я свою бочку выпил. Каждому своя бочка уготована. Можешь вначале выпить, а можешь в конце. Раньше не пил - потом выпьешь. Никуда она не денется, твоя бочка. Есть, правда, такие, что свою бочку выпьют, да и чужую опрокинут. Один приятель штук десять чужих бочек выпил, не считая одиннадцатой, своей. Бывают, правда, такие, что ни одной бочки не выпивают, бывает, свою недопивают. Бывает, полбочки выпивают. Остальную половину можно приятелю отдать, не грех с приятелем поделиться. Хуже, когда пьют тайком от друзей, от приятелей - форменное безобразие! Пить, так уж вместе. Кодлой. Женщины кодро украшают, как цветы быдло. Ну, выпили. Оп! Есть! Закусим селедочкой. Огурчиком. Миногой. Судачком под маринадом. Корочкой с солью. Рукавом. Носком. Ботиночком. Красной икрой. Черной. Сыром зеленым. Неважно чем. По второй! Оп! Водка! Наша. Русская.

Можно пивом запить. Кто как хочет. У каждого свои привычки. Я, к примеру, водой запиваю. У меня много общего с, как его... Сократом. Как до нас, до меня, до всех дошло из тех времен, он водой запивал.

Заметьте, я все это специально высказываю, чтобы меня считали умным человеком. Я могу это вам доказать, приложив ниже "ТРАКТАТ". "О том, кому можно подсаживаться к нам, когда мы выпиваем".

Например, мы пьем. Нас двое. Приходят нежелательно подсаживающиеся. А мы не хотим. Зачем нам?! Следует сказать: "Мы не хотим!" В противном случае, поскромничаешь, в силу своей нерешительности, мягкости,

чистосердечности, доброты и т.д., не заявишь со всей строгостью и прямотой: "Мы не хотим!" - и все. Нужно сурово и жестко, со всей строгостью относиться к людям, которые нежелательно подсаживаются. Таких карать, штрафовать... Советую ввести эту меру во всем мире в кабаках, барах, ресторанах, вагон-ресторанах, лотках, шинках, погребках, закусовых, рюмочных, кафе, в домашних условиях, на лоне природы, в условиях моря и магазина. Я имею в виду пол-литра на двоих. С третьего - неминуемо - штраф. Он должен знать об этом. Третий должен уйти.

Но другое дело, когда нам желателен подсаживающийся. Тогда все меняется. О штрафе не может быть и речи. Жест энергичной пьяной руки. Улыбка до ушей. Пол-литра **на троих!** На этот счет у меня тоже припасен трактат. Но он незакончен.

О пьянстве хватит. Можно подумать, люди только и делают, что пьют. Конечно, нет. Но к пьянству мы еще вернемся. Поскольку эта тема не из последних, а, может быть, одна из важнейших тем человечества, если не считать темы созидания, учебы, семьи, любви, морали, чести, спорта, живописи, культурно-массовых мероприятий, прогулок на свежем воздухе, трезвости, бокса, кулинарии, собак (собаки тут, конечно, ни при чем, хотя и кошки, и собаки тоже при том).

О пьяницах много писали, а они все пьют. Как будто о них писали мало, или они ничего не читают? Все больше пьют. И себя со стороны не видят. Пусть они это прочтут. И себя увидят: в каком они неприглядном виде, нелепом, глупом и жалком. И как им не стыдно! Зачем они пьют? Что им, плохо, что ли? Им, по-моему, хорошо. А они пьют. От хорошего человек пить не будет. Значит, им плохо. Потому они и пьют. А к чему все это приводит? Надо, чтоб приводило к чему-то. Ну, хотя бы к славе или к богатству. А пьянство к этому не приводит. Наоборот. Человек все деньги пропьет и станет нищим. У него не будет поесть. Ему будет плохо. А надо, чтоб ему хорошо было. Чтобы у него все было: кран, стенка, пол, носки, книги, куры, самовары. А он пьет. Ему же хуже! Деньги, что пропивает, он мог бы сохранить, фруктов купить! Играл бы себе на рояле, жена бы пела...

Мужественно оставляем эту тему. Хотя жалко с ней расставаться.

...Сидят за столом, а стол накрыт. Зубровка. Спотыкач. Первач. Чача. Чего только нет! Шампанское для Евтушенко (я своих знакомых не забываю прославить). На столе - бутылка спирта. Это для тех, кто намерен напиться до предела. Под столом ковры. Вались под стол и спи. Для женщин один стол, для мужчин - другой. Чтобы под столом был порядок! Вон, рядом с перечницей, бутылка норвежского рома. Сбоку, вижу, имеется армянский коньяк. Хороший все же народ армяне! Грузинское вино. И грузины народ неплохой. Азербайджанское виноградное. Хороший народ - азербайджанцы! Русская водка. Молодцы русские! Вот и другие "народы" выстроились на столе. Весь мир. Пил, пью и буду пить! Выпьем, запьем,

упьемся, напьемся, попьем, нальем, отольем, подольем, подлей, лей, ей, ей... недолив, перелив, отлив, прибой, бой, ой... ой... (икота), по-ровну, ровно, нечестно, несправедливо (в смысле - налили, разлили), не хватает, достаточно, на двоих, на троих, четверых, закуска, водка, от... от... (икота), кха... кха... (рвота). Рюмки, стаканы, фужеры, стаканчики, рюмочки, стопочки, стопари, гоп! Оп-ля! (В смысле - дернул, т.е. опрокинул, выпил.) Водка, от-как! Хорошо! По второй, по второй! По в... Трах! (Упал, сверзился, свалился...)

Ничего в этом нет такого. На празднике можно и выпить. Один день. Второй. Каждый день. Через день. С утра. Вечерком. В полдень. Можно и выпить. Можно и погулять. Но работу надо знать. Кончил дело - гуляй смело! И пей себе на здоровье! Пиво. Шампанское. Сладкое. Полусладкое. Сухое. Игристое. Искрящееся. Советское. Немецкое. Венгерское. Французское... Перейдем на другую тему.

Я сейчас схожу выпью сто грамм с Томиным, потом отстанем от самолета (если будет посадка), мой друг, товарищ, писатель, как его забудешь!

Роман идет неровно. Что-то не компонуется. Если я где повторюсь - вычеркните. Так. Скомпонovali. Пошли дальше.

Тьфу! Не роман, а околесица. Противоречия начинаются. Нравится - не нравится. Пойду поем, а там новым глазами на все посмотрю, наверняка все опять как прежде, великим покажется... всех времен и народов... всего человеке... непоколе.. несравне... (не обращайтесь внимания!).

Ну вот, силы прибавилось, погнали дальше, вперед!

Чествовали художника. Картину везли тут же. Ее транслировали по пяти частям. Первую часть транслировали через печку. Вторую часть транслировали через дужку кровати. Третью часть транслировали через речку. Четвертую - через собачье телевидение, которого в природе не существует. Самого художника транслировали ретрансляционно через... (сами знаете что). Все пять частей передавались в общем порядке. Родовались собачки. Печалились люди. Плакали дети. Довольствовался сам художник. Для понимания искусства кто-то что-то сказал касающееся искусства.

Три сказали: "И".

Двадцать три сказали: "Ж".

Пять сказали: "М".

Двое сказали: "Р".

Шестеро сказали: "В".

Семеро сказали: "О".

Другие: "Э".

И нельзя сказать, что ничего не получилось. Получилось:

"ИЖМРВОЭ".

Очень нужно вникать в эту дребеденевку, в которой, может, и есть

скрытый смысл, но не для того мы живем, в конце концов, чтобы расшифровывать то, что в итоге, может быть, и вовсе не расшифровывается, как некий шифр, найденный в 112 году у стен Пиренеев и перенесенный потом в чистилище Соломона еще до н.э.!

Перейдем-ка, друзья, дорогие мои, инженеры и рабочие, художники и писатели, и те, и другие, и третьи, к старой теме.

Стол, табуретка. Стелим газету. Огурец один. Соленых помидоров – три. Сала кусок порядочный. Еще есть кое-что на всякий пожарный случай. Мы споласкиваем одну, две, а, может быть, три консервные банки (терпеть не могу жрать и пить из общей посуды!), наливаем в эти вместительные банки (я наливаю в шапку, банок две, а нас – трое). Мы вольем себе в глотку не по очереди, а сразу, вместе, поскольку товарищи, как по команде. Потом еще. Хмель проходит, поскольку открывается так называемое второе дыхание. Закусываем. Крякаем. Квакаем. Икаем. Воняем. Все совершенно завоняем, до предела, до неузнаваемости. Чья-то жена открывает форточку и уходит. Из форточки дует в затылки. В зады. В спины. Но мы не видим, не замечаем, не ощущаем, не принимаем во внимание, не интересуемся. Задумываемся. Высказываемся. Болтаем. Молчим. Кричим. Орем. Встаем. Стучим. Деремся. Садимся. Жалуемся. Поем. Я оставляю несколько чистых страниц, сами заполните за меня эти страницы, если сумеете, в чем я очень сомневаюсь, что кто-нибудь вообще может это лучше меня сделать.

.....

В романе налицо отсутствие тех или иных героев, действующих в тех или иных обстоятельствах и развивающих сюжет от первой до последней страницы. У нас этого нет. Понятно, что тут мы теряем громадное количество читателей из-за отсутствия этого, но идем на урон сознательно. Читателей, которые отшатнутся от нашего романа, мы отошлем к роману другого писателя (Козлова), где пресловутые герои и сюжет имеются в полном объеме, страницах на пятистах, их это вполне устроит. Отсылая читателей к другому роману, мы не совершаем никакого преступления, наоборот, намеренно пренебрегаем внушительным гонораром. Если наш роман не станет шататься, а будет держаться, как подобает роману, изумительно, внушительно, крепко, веско, громадно, ободряюще, красиво, содержательно, подавляюще, интригующе, солидно, то, сумев этого добиться, мы посмеемся над нашей милой шуткой.

И тут хочется поговорить о смехе. Один человек так выразил свое отношение к смеху: "Смех – это самое лучшее из всех". Что значит – из всех? Из чего – из всех? Из кого? Но все равно понять можно – смех он ставит высоко. От восторга и любви к смеху он немного коряво, но в рифму выразился. Есть сколько хочешь людей, что из-за чрезмерного восторга говорят неточно. Зато убедительно! И эти люди симпатичны.

Хуже, когда говорят: "Смеяться не грешно – над тем, что кажется

смешно", - очень осторожно сказано. "Смеется тот, кто смеется последним", - угрожающе. "Смех без причины - признак дурачины", - настораживает. Будто таит в себе что-то опасное.

Безусловно, когда вокруг плачут, а один смеется, это таит в себе что-то странное, а, может быть, опасное. Смеяться на похоронах не рекомендуется, там смех не равносителен плачу. Не советуют смеяться довольно часто, хотя врачи на этот счет другого мнения. У меня отношение к смеху хорошее. Смейся себе на здоровье, если это тебе не повредит, не повернется боком, то есть, другой стороной. Нежелательной. Боковой.

Человек образованный, шагающий раза два в одну и ту же сторону туда и обратно - безусловно, разберется, где смешно, а где нет. Не для того он, в конце концов, в школу ходил, чтобы быть угрюмым.

Между прочим, если умело читать, вдумчиво, терпеливо, открывая каждый раз на любой странице этот самый роман, то можно подняться до понимания настоящего юмора. Человек, поднаторевший на этом романе, может поднахвататься юмора мешками. И не нужно умалять себя в этом, не нужно сгибаться, а нужно разгибаться, выпрямляться, выше поднимать голову, и смеяться нужно как следует, как я, уроженец Баку, что расположен у Каспийского моря.

Закончим этот трюк о смехе так. Смеяться просто необходимо. Просто так хохотать необходимости нет, надо еще и дело делать. Не смеяться совсем - просто страшно.

Смеяться больше всех - прекрасно.

Смеяться меньше всех - не стоит.

Смеяться шумно, нетактично, некрасиво, неинтеллигентно, несерьезно, при дамах, при лошадях, при кошках, при детях, при курицах, при генералах, при всех - по-моему, можно. В конце концов, хохочи себе при дамах, сколько влезет, что они, запретить, что ли, могут?

Смеяться, в общем, можно.

Но если смех "не самое лучшее из всех", то человек, который не умеет смеяться или забывает это делать, делает "самое худшее из всех" дело.

А теперь, во всем разобравшись и посмеявшись, предоставим самим себе отдых.

Но и отдыхая, можно поговорить.

Представьте, вы лежите на одной кушетке, я на другой. Ноги вы положили на спинку стула, и я сделал то же самое, и мы так с вами лежим, и вы спрашиваете меня, глядя в потолок:

- Вот у вас там вначале были какие-то абстрактные опусы. Откровенно говоря, я не понимаю этих выкрутасов. Зачем это нужно? К чему? Зачем вы все это делали, черт вас возьми? Что вы хотели этим сказать? Ну, к примеру...

- Я вас понял. Это не для вас одного, поскольку вы не один на

свете. Есть и другие люди, и я подумал о них. Если вы владеете несколькими языками, к примеру, английским и русским... Или польским и русским. Нет, лучше чешским и русским. Не будете же вы с русским разговаривать по-польски, а с поляком нарочно по-русски. Так как же вы будете разговаривать? Правильно! Угадали. По-русски следует разговаривать с русским, по-польски – с поляком. Вы удивительно сообразительный человек, я бы с вами выпил, если бы мне завтра не предстояла работа над произведением.

- Что вы хотите этим сказать?

- Я хочу сказать, что я не владею никаким языком, кроме русского. Да и русским-то владею кое-как, ровно настолько, чтобы написать свое произведение. Но я владею художественным языком. То, что для вас "выкрутасы", другому скажет больше, полнее и глубже. Они дойдут до него точно так же, как до вас они дойти не могут... Ах, вы заснули? Спите? Вот всегда так, засыпают, когда рассуждения заходят поглубже... Я сейчас, кажется, тоже усну... вслед за вами... Я всегда стоял за отдых...

Одеваемся, наряжаемся, на ярмарку направляемся.

Ярмарка рассказов начинается! Аукцион открывается! Занавес поднимается!

Демонстрируется поток рассказов в несметном количестве, разных форм, настроений, значений, на всякого читателя, веселого и мрачного, на такого и на сякого, на пессимиста и оптимиста, старика и молодого, неграмотного и высокоинтеллектуального, эрудированного, человека нашего века, прошлого и будущего, дурака и умного – налетай, хватай, выбирай, садись читай!!!

Кому что! Кто что! На трезвую голову! Товарищ пьяный, прошу на выход; уберите пьяного! Кругом пьяные! Итак!!! Так – итак!!! И-т-а-к!

У Т Р О

Утром солнце двигалось кверху. Тени ложились косо. Улицы пустовали. Навстречу мне шел человек. Он поравнялся со мной. Он взял меня за рукав. Я видел его дружелюбный взгляд.

- Гнома поймали, мой друг! – сказал он.

- Какого гнома? – спросил я невольно.

- Как какого? – поднял он брови.

- Где он был? – спросил я глупо.

- Он был везде! – крикнул он.

- Почему? – спросил я.

- Как почему? Это – факт.

- Что за факт?

- Общеизвестный. А вам неизвестно?

- Нет, – сказал я.

- О! - сказал он.

- Да, - сказал я.

- О! - сказал он. - Гном все тот же, с шапочкой на боку. И с зеленой кисточкой. Давали его вместе с сахаром. Я хотел взять его, но мне был не нужен сахар - вы меня понимаете? Мне не дали его без сахара, а сказали: "Возьмите сахар, дадим вам и гнома".

- Это белиберда.

- Нет, это не белиберда.

- Это глупости.

- Нет, это не глупости. А гном сбежал. Он бежал через задний ход, потому что передний был заперт. Его видели двое калек и один больной. Они трое были без шапок...

- Это вы больной?

- Я не больной, я в шапке, его видели трое без шапок...

- Чепуха.

- Нет, это не чепуха.

Я повернулся - уйти, но он встал передо мной.

- Вы должны знать о гноме, - сказал он ясно.

- Я не желаю, - ответил я.

В конце улицы кто-то шел.

- Минуточку, - сказал он и помчался ему навстречу.

ВСЕ ОДНО

У меня в голове что-то есть. Когда я иду по улице, мою голову клонит к земле.

- Быть может, у вас утюг в голове?

- Нет, по-моему, не утюг.

- Почему вы так думаете?

- Мне кажется, что-то другое.

- Как вы это решили?

- У меня часто булькает в голове.

- Может, это у вас в животе? У меня, например, булькает в животе бульон. Великолепный куриный бульон!

- Живот - это не голова.

- Ах, боже мой, я вам скажу - все одно! Если пробить вашу голову, вы так же умрете, как если проткнуть вам живот.

ДВЕРЬ

Ветер свистел по комнате, как в трубе.

Эта дверь была без петель.

И она была без дверной ручки. И в ней не было замочной скважины.

И это была не совсем дверь.

И вообще это была не дверь.

Она покоилась на двух стульях, и на ней лежал мертвый отец.

УДАРЫ ЖИВОТАМИ

Восемьдесят пять человек ударились животами друг о друга с такой страшной силой, что тридцать пять человек в тот же миг умерли.

Потом пятьдесят человек ударились животами друг о друга с такой потрясающей силой, что остался в живых один. Он съел огурец и пошел на край света, удариться с кем-нибудь животом.

АРБУЗ

Сто человек - один арбуз.

- Чей арбуз?! - вопрос встал ребром.

- Мой арбуз... твою мать!

- Мой арбуз, провались я в ад!

- Мой арбуз! Мой арбуз!! Мой арбуз!!!

Где арбуз?

Нет никакого арбуза.

СТРАННОЕ ПИСЬМО

Я считал его умным, порядочным человеком. Он искренне был расположен ко мне, очень добр и мил. Он восхищался моей грубой речью, корявой и скверно построенной, в то время как сам говорил гладко и складно до виртуозности. Он уверял, что любит меня как брата. Я обнял его и сказал: "Я не желал бы себе лучшего друга".

Он прослезился и чуть не упал. Я поддержал его, усадил на стул и сказал:

- Я рад держать с вами связь. Завтра я уезжаю...

Он опять сверзился со стула, я опять посадил его и сказал:

- Надеюсь, вы будете мне писать?

- Можно ли сомневаться в этом? - он вытер глаза платком.

Я не ошибся в нем.

Письмо его перегнало меня. Оно пришло раньше, чем я приехал. Я распечатал его и прочел.

Сначала я ничего не понял. Потом я решил: тут что-то не то. Потом я решил, что болен. Потом мне показалось, что письма я не читал, и прочел его десять раз. Потом я просил соседей прочесть мне это письмо.

Услыхав то же из ихних уст, я разбил стулом шкаф.

Впрочем, вот это письмо:

"Мой славный друг! Желая пролить в вашу душу свет, я сообщу вам нечто: чайники, сковородки, лестницы, полотенца - кладите в угол, на радость всем. В обратном порядке вытаскивайте из угла. Лейте из леек в угол воду, вбивайте гвозди без промедленья и не морочьте мне голову.

Ваш бесконечно преданный друг".

ПУГОВИЦА (Мой дядя)

Так и запомнился мне мой дядя, когда он приезжал к нам в гости в те далекие времена, - с огромной пуговицей на кальсонах.

Таким запомнил я дядю в детстве, таким остался он на всю жизнь - с огромной пуговицей на кальсонах.

И когда говорят у нас в доме о дяде, когда вспоминают его светлый образ, его заслуги перед государством, то передо мной возникают его кальсоны с огромной пуговицей от пальто.

Отец говорит: - Он был красив, - я вижу пуговицу на кальсонах.

Мать вспоминает его улыбку - я вижу пуговицу на кальсонах.

Когда я смотрю на его портрет - я вижу пуговицу на кальсонах.

$H_2 + ? = !$

Почувствовав пустоту и тяжесть на сердце, я разбил кулаком графин с водой. Но разве беда в том, что я разбил графин с водой? Ведь я разбил его в своей комнате, оставшись наедине с графином. Вода пролилась из графина на пол. Но разве беда в том, что она пролилась на пол? Вода прошла в щель в полу, стала капать вниз, на второй этаж, но разве я мог об этом подумать? В то время, когда я смотрел на воду, раздался страшный взрыв. Мне оторвало голову. Но разве я виноват, что ее у меня оторвало?..

ВЕДРО ВОДЫ

Мой дорогой учитель! Раздражаясь, он говорил быстро-быстро, захлебываясь словами, постепенно теряя смысл слов и взаимосвязь между ними.

Он говорил мне:

- Учи уроки, без знания - тьма, стул, стол, табуретка, мы, вы, Амстердам...

Он безусловно знал, что хотел сообщить, и он, безусловно, желал мне добра, но он так жаждал все это сразу сказать и вывести меня в люди, что немножечко торопился, и я не всегда понимал его.

Я не получал тот комплекс знаний, которые он нес мне от всей души. Наоборот, я все страшно путал, и доходило прямо-таки до абсурда - весь мир мне казался черт знает чем.

Как-то осенним холодным утром мой педагог нам сказал, что он болен, а мне лично стал говорить очень быстро несметную кучу слов. Потом он схватился за голову и так долго сидел за столом.

Я вышел из класса, вернулся через минуту и вылил ему на голову ведро воды. Оказалось, он этого не хотел.

ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ

"Трудно представить себе, что этот чудесный писатель жив. Не верится, что он ходит по улицам вместе с нами. Кажется, будто он умер. Ведь он написал столько книг! Любой человек, написав столько книг, давно бы лежал в могиле. Но этот - поистине не-человек! Он живет и не думает умирать, ко всеобщему удивлению. Большинство считает - он давно умер - так велико восхищение этим талантом. Ведь Бальзак, Достоевский, Толстой - давно на том свете, как и другие великие классики. Его место там, рядом с ними. Он заслужил эту честь.

Он сидит передо мной, краснощекий и толстый, и трудно поверить, что он умрет. И он сам, наверное, в это не верит. Но он безусловно умрет, как пить дать. Ему поставят огромный памятник, а его именем назовут ипподром, ведь он так любил лошадей. Могилу его обнесут решеткой. Так что он может не волноваться. Мы увидим его барельеф на решетке.

Позавчера я услышал, что он скончался. Сообщение сделала моя дочка, любительница пошутить. Я не скрою, почувствовал радость и гордость за нашего друга-товарища.

"Наконец-то! - воскликнул я, - он займет свое место в литературе!"

Радость была преждевременна. Но я думаю, долго нам не придется ждать. Он нас не разочарует. Мы все верим в него. Мы пожелаем ему закончить труды, которые он еще не закончил, и поскорее обрадовать нас".

(Аплодисменты.)

И так далее...

Сергей В О Л Ъ Ф

Наверное, он - и не писатель, а инструмент (в смысле, музыкальный). Таков слух, вкус. Камертон. Сын своего отца. Однажды, тоже лет двадцать тому, если не больше, встретил я его на Невском, чем-то сверх обычного озабоченного. "Что с тобой?" - "Столько хлопот! Столетие отца..." Отец его был знаменитый виолончелист Вольф-Израэль.

Сережа Вольф первым из нас стал писать "серьезную прозу", был благословлен Юрием Олешей как замечательный талант. Когда я вошел в круг, это уже было легендой. Поэтому мы лучше стали относиться к Олеше.

Все эти годы спасался (как почти все в Ленинграде) в детской литературе. "Взрослые" ни проза, ни стихи практически не печатались.

ТУЕСОК НАРЦИССИЗМА

Моя жена печет блины
Различной формы и длины.

* * *

Сяду я на саночки
И поеду к самочке.

* * *

Старушка, Божий одуванчик!
Приляг со мною на диванчик!

* * *

На проспекте Газа
Жил чувак без глаза.
Когда бывал на то резон -
Он напевал "Мари-Визон".

* * *

Не покидай, красавица, палатку,
Прошу тебя - не вылезай наружу.
Я дам тебе за это шоколадку
И девственность твою слегка нарушу.

* * *

А в баре, равные печали,
Нимфетки праздные скучали,
Как у художника Дега
Закинув на ногу нога.

* * *

Когда разводятся мосты,
И нам Неву не перейти,
Я отнесу тебя в кусты;
От четырех – и до шести.

* * *

Я хочу учиться на рояле,
Так, чтобы ровно пальчики стояли,
Чтобы извлекаемые звуки
Были просто-напросто особы,
Чтобы их воспринимали суки,
Жеребцы и милые особы,
Чтобы совы, возвращаясь в гнезда,
Детям их дарили вместо пищи,
Чтобы в городе весенний воздух
Был живей, живительней и чище,
Чтобы слезы омывали пудру,
Чтобы свой румянец был на теле,
Чтобы женщины, проснувшись утром,
Тихо разговаривать хотели,
Чтоб хотели ласки и печали,
Обучались пламенному дару,
Я хочу учиться на рояле,
Я,
Бесплодно мучивший гитару.

* * *

Ракетная игрушка
Летит на небеса.
Нам жить с тобой, подружка,
Осталось полчаса.

У ней стальные усики
И водород в глазу,
Сними скорее трусики
И распусти косу,
И грудь не прячь высокую...
Сережками звеня,
Залзсь в постель высокую
И овладей меня.

Порочней нету талии!
Пока ракета бдит,
Достану гениталии,
Пока она летит.

* * *

В помещеньи тира
Я увидел тигра,
Тигр с беленьким кружком
(Смысл – попадание),
В случае удачи
Радует прыжком.
Взял я пять патронов,
А, вернее, пулек,
И, приклад потрогав,
Выстрелил в кружок.
Не попал ни разу.
Ты, хозяин, жулик!
Плохо, отвечает,
Целишься, дружок!
Выстрел – это штука
Не для нервных, детка,
Глаз не тренирован,
Только и всего!
Я воскликнул: Сука!
Я стреляю метко!
И для подтвержденья
Выстрелил в него.
Он скончался тихо,
С легким, робким стоном,
Над вечерним миром
Родилась звезда.
Я пошел к чувихам.
Пистолет с пистоном
По сравненью с тиром –
Просто ерунда.

* * *

Андрей БИТОВ

Я попал в этот "светлый подвал" в 1956-ом, и чтобы удержаться в среде, стал писать стихи (очень плохие) в литобъединении Горного института, под руководством незабвенного Глеба Семенова. Моя первая публикация была сожжена весной 1957 года во дворе Горного института вместе со всем коллективным сборником, в который она входила.

Я так увлекся этим, что был исключен из института и попал в армию. Вернувшись из армии, в октябре 1958 года я перешел на прозу с большим удовольствием и облегчением. Как поэт я был подавлен Горбовским и Кушнером, как прозаик оказался раздавлен гением Голявкина. Я написал сотню или две коротких рассказов. Их принимали снисходительно в Ленинграде. Их гораздо лучше приняли почему-то москвичи ("лианозовцы"). Я ни на что не претендовал и впоследствии о них забыл. Каково же было мое удивление, когда они стали появляться в мелких эмигрантских изданиях (началась пора отъезжанства, и кто-то их, по старой памяти, вывез). В 1980-ом я их все перебрал и составил книжицу, пока что не опубликованную.

КИТАЙЦЫ

624 тыс. т. мух перебили китайцы.

Торжественное собрание: в районе уничтожили **всех** мух. Эстрада - кумачовый стол - президиум. В зале товарищи в синих френчах. В президиуме товарищи из товарищей. Собрание считается открытым... Слово предоставляется...

Речи.

Товарищи сменяют на трибуне товарищей.

Зал относится с полной китайской ответственностью. Слышно, как муха пролетит.

Вдруг услышали... Пролетела.

Муха! Муха в зале!!!

- Синь-синь-сяо-**МУХА**, - сказал председатель.

- Синь-синь-сяо-**МУХА!** - сказал президиум.

- Синь-синь-сяо-**МУХА!!!** - сказал зал.

Все смешалось. Ловили муху.

Поймали. Казнили. Отнесли в президиум.

Собрание продолжается.

...Где-то сдают сухих комаров. Где-то обязательно должны сдавать сушеных комаров...

ТАКИЕ ДЕЛА

В энской районной газетке была нехватка стихов. Кое-как перебивались на армейских соборах.

Однажды – честь-честью патриотический стих. В редакции обрадовались. Стих прошел.

Все нормальные люди читают нормально. А стихов не читают. А вот какой-то псих читал стихи снизу вверх по заглавным буквам. Искал.

Нашел: по диагонали читалось: **"ХРУЩОВ – ДУРАК"**.

Хрущов был большой человек.

Газетку разогнали. Столько-то человек, кормившихся ею, осталось без куска.

Эти люди:
стали писать стихи,
стали читать стихи.

СЕНСАЦИЯ!!!

Весь мир потрясен вестью. 500 лет мы неправильно читали Вийона. Все стихи Вийона надо читать не так, как они написаны.

Их надо читать:
снизу, по диагонали, ходом коня, третьими буквами, четвертыми буквами третьего слова с конца пятой строки снизу.

Биография Вийона совсем не такая, а другая, зашифрованная.

А как обстоит с другими?

С другими обстоит так же.

Тыщи лет люди не так читали стихи.

Наивные увлечения прошлого: игра в 15, футбол, Шерлок Холмс. Все читают стихи. Общий ажиотаж. Детективность стиха.

Страшные истории из жизни великих людей. Их теневые стороны.

Тираж поэзии подскочил до невиданных высот.

Современная поэзия перестроилась. Ушел в историю наивнейший по технике акростих.

Поэты строили дачи.

Поэтессы удачно выходили замуж.

Кроссвордисты, ребусисты терпели крах... Но переквалифицировались "В этом стихе про зиму, найдя ключ, вы прочтете совет по домо-водству".

Литературоведение с ужасом осознало, что оно шло не тем путем.

И оно пошло новым:

Надсон оказался словарем всех русских ругательств, при соответствующем чтении.

Барнов – лириком.

Классики были пересмотрены. Чистка.

Гражданские поэты были довольны: стало куда помещать идейное содержание.

Возникла проблема О.: его не удалось расшифровать. Это был один из самых драматических моментов.

Открылась группа врагов.

Жертвой пал Щ.: Стихи его, при соответствующем прочтении, таили в себе порнографические откровения.

Всюду:

в трамваях и парках,
на улицах и в очередях,
сидели, стояли и ходили

люди с раскрытыми томиками и сложно водили пальцем, выискивая закон прочтения стиха.

А еще через тыщу лет – сенсация:

обнаружили рифму,

и что читать надо то, что написано в строчках,
и что ничего зашифровано не было.

Такие дела...

18.02.1960

ЧУЖАЯ СОБАКА

На работе объявили выговор. Соседи объявили бойкот. Жена сбежала с другом детства.

Я, конечно, могу сходить к тетке, погулять с ее собакой... У нее, у собаки, сегодня день рождения. Тетка приготовит торт.

Этот молодой жирный боксер; я ничего не имею против. Сильный зверюга. Он идет, виляя обручком хвоста, натягивая поводок. Все время приходится тормозить, словно бежишь под горку. Морда у него, с точки зрения обывателя, мало симпатичная. По-моему, это красивое животное.

А я надеваю темные очки от солнца и веду его, желтенького, песочного, по Невскому.

А про него говорят:

– У-у-у! Черчилль... чертяка! Мизантроп этакий...

А про меня говорят:

– А хозяин-то... Еще очки надел!

А одна говорит:

– Бедный... Такой молодой – и уже слепой!

А один другому говорит:

– С-с-суки! Жизнь-то у них какая! Нам бы такую...

А мальчик кричит:

– Хочу собаку! Хочу-у-у!

А один говорит:

- Почему собака без намордника?!

А я думаю: "На тебя бы намордник..."

А я иду по улице в темных очках, с боксером... И у меня к нему симпатия. Да он бы и не обратил внимания на этого типа! Он вообще ни на кого не обращает внимания. Наверное, у него свой, собачий мир, и он меня туда не пускает. Я его уважаю за это. Мы бы с ним нашли общий язык. Но мой мир его не интересует. Умный, зверюга! Лоб мыслителя. А глаза? Чтобы у всех людей – такие глаза!

Люди зыркают: на него – на меня, на меня – на него. А он – ни глазом, ни ухом – все тянет и тянет меня вперед. Сосредоточенность и целеустремленность во всем. Он явно идет куда-то. Наверное, ему стыдно показать, что он идет просто так...

И я, тоже вот, – гуляю с собакой...

У нее сегодня день рождения. Тетка приготовит торт...

А еще я могу – не пойти к тетке...

09.02.1960

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ (старая история)

Ух! Ух! – трясется лес.

Стонет земля под Кощеем.

Вот и хоромы. Вот и дома.

Устал он, ух, как устал. Не такое теперь время.

А жена у него молодая, круглая.

И он говорит:

- А не пахнет ли тут человеческим духом?

Жена у него молодая, круглая...

Она и говорит:

- Полно тебе, нахватался в дороге. От самого и пахнет. А я тут – бедная, молодая-круглая...

- Ну, ну, – говорит Кощей. – Что ты говоришь... Какие ж теперь бабы? Одна ты у меня.

- То-то.

А сама ему на стол ставит. И первое ему, и второе, и третье. Угодила всем. Оттаял Кощей. Разлегся.

- Иди ко мне, – говорит.

А жена ему гладит волосы, говорит:

- Уж так я тебя люблю, так хожу... Скажи, где твоя душа?

- В венике, – ухмыльнулся Кощей. А про себя подумал грустно: "Старая история..."

На следующий день – ушел Кощей, жена веник и помыла, и посушила, бантиком повязала, маслицем смазала.

Явился:

- Что-то тут челове... - А жена надула губки, круглые, красные. А Кощей видит: в углу веник сияет. - Ну, ну, не буду, - говорит. - Зверь я, зверь... Истинно Кощей. Нехорошо я к тебе отношусь. К жене своей единственной. Соврал я тебе вчера. А ты - хорошая, доверчивая - сказок даже не читала. Разве ж может моя душа быть в венике? Сама рассуди... Соврал я тебе.

Жена совсем расстроилась с виду. Размяк Кощей:

- Скажу я тебе: там, на чердане, в сундуке - шкатулочка, в ней заячий хвостик... В нем моя душа.

И вот, на следующий день - ушел Кощей, жена сундучок-то начистила, а из хвостика щепотку вырвала.

Приходит Кощей, щатается.

А жена молодая, круглая...

- Простудился я, что ли. Просквозило меня, продуло. Просек много - сквозняки. Сегодня уж точно человечинной пахнет. Ну, да ладно, сил моих нет.

Слег.

Жена хлопочет. И малина, и мед, и молоко. Выскочит, словно в погреб. А сама наверх. Щипнет, и обратно.

А Кощею все хуже.

А жена хлопочет. Градусник ставит.

Гладит его по волосам:

- Поправляйся, выздоравливай... Уж я ли тебя не любила, уж я ли тебя не холила... Скажи своей женушке, где ты свои сокровища хранишь?

А Кощей вовсе обессилел. Рта раскрыть не может. Приподымет только два пальца... И рука падает обратно.

А заячий хвостик совсем облысел.

А жена плачет:

- Неужто ты меня покинешь... Что я делать буду? Куда себя дену? Скажи хоть, где свои сокровища хранишь-прячешь?

Тут Кощей собрался с остатными силами. Поднялся на чердак. Хвост забрал. А полюбовника съел.

И тут же поправился.

- Съесть бы тебя мало, - говорит жене, - да разрушать семью жалко. И на что ты надеялась? Ведь я же бессмертный!

А жена и говорит:

- Виновата я, раскаиваюсь. Ошибалась.

- Старая история, - говорит Кощей. - Все вы начинали с веника... Бессмертный я.

Успокоилось все. Улеглось.

Говорит жена:

- Только скажи мне, что это ты все два пальца подымал, когда я

про сокровища спрашивала? Думала, на чердак показываешь... А там - ничего...

Говорит Кощей:

- Не подозревают тебя. Думал, правда, заболел. Умирать собрался. Столько живу - надело. И совсем уже на сокровища показать хотел. Но только подниму руку - и не могу. Подниму - и не могу...

А раз не вышло - зачем тебе про сокровища знать?

Бессмертный я, бессмертный...

02.03.1960

ОДНОКАШНИКИ

Петя Бойченко с 3-го класса собирал медную мелочь. К 10-му классу у него была два пуда. К V-му курсу - пять.

Он сел за задержку медной монеты.

Во время летних каникул Вася Власов нашел на речке штык. Он сделал к нему ножны и хранил у себя в столе до самой свадьбы.

Он сел за хранение холодного оружия.

Мой сосед по парте Колька Санин рассказал мне анекдот, а потом сознался, что я его слушал.

А Филька Шмаринов до сих пор гуляет на свободе.

21.03.1960

ПАФЛИ

- Слышал, слышал, - сказал Зарембо, встретив меня в раздевалке.

- Что - слышал?

- Уж слышал, - сказал он и, подмигнув, ушел.

Поднимаясь по лестнице, я почувствовал себя более чем странно. Что-то очень непривычное было на этот раз, хотя я ничего такого не мог заметить: все было так же. Я уже совсем поднялся, и тут столкнулся с Иван Филиппычем.

- Что же это вы? - сказал он.

- А что? - сказал я, и что-то во мне сжалось.

- А вам уж надо бы и самому знать, - сказал он.

И вот его нет уже, а я вдруг осознаю, что же было такого непонятного, когда я поднимался по лестнице. Вот уже сколько я по этой лестнице хожу, там всегда только одно слово нацарапано было: почему-то "Культия". Не может быть! Я спустился, внимательно осмотрел стену. И действительно - никаких следов. И тут опять Иван Филиппыч появился. Ничего не сказал, только посмотрел.

Когда я входил в чертежную, все словно бы замолчали, приподняли головы и замерли, на меня глядя. Я тихо проскользнул к своей доске.

"Растягайцы на приколе!.." -

почему-то визгливо пропел Слоним и замолчал так внезапно, что тишина вроде бы звякнула, когда наступила.

Я принялся за дело, и вдруг до меня дошло. "Распрягайте, хлопцы, коней!.." - вот что пел Слоним. Вот оно, оказывается, что.

Солнце - просто ужас, какое солнце! И синица - влетела и повисла на форточке вниз головой и вертит ею. А я просто веду эту линию, веду, и, кажется, всю жизнь только ее и веду и буду вести. Бумага - белая, линия - черная, кнопка - блестящая, резинка - мягкая, доска - ровная, табуретка - круглая и вертится, синица висит вниз головой и ею вертит, капли каплют, солнце - яркое и круглое, крутится; капли по стеклу, круглые, катаются; кнопки - блестящие, круглые, крутятся. Пожалуй, кроме этих четырех, надо еще четыре по середкам воткнуть, чтобы бумага не топорщилась... Кнопки блестящие... А где же кнопки? Кто взял?

Я подошел к Слониму.

- Ты не брал мои кнопки?

- Кнопки? Какие кнопки?

- Как какие! Мои. Простые, обыкновенные.

- О чем это ты? Да постой, что это с тобой?

- А что?

- Ну, ничего, не унывай... Но что это ты сегодня? Не такой какой-то...

- А какой же?

- А не такой.

Вот теперь не отгибается. Я веду и веду свою линию. До самого обеда.

Спускаюсь со всеми в столовую.

- Ну вот, и ты с нами, - говорит мне Зарембо.

- А что тут такого?

- Да нет, это я так...

Спускаюсь, смотрю на стену. Нет "Культи". А тут Артамонов. Задумавшись так за руку берет и не выпускает, в своей держит, и пристально так на меня смотрит.

- Ну как ты, Петя?

- А что?!

- Ну ничего, ничего, - говорит Артамонов. - Это ничего.

В столовой опять солнце. Всюду слепит. Набрал всего на поднос - не знаю, куда сесть. Стою с подносом. Вижу - Слоним один сидит. Сажусь к Слониму.

- Что же ты, Петя, киселя-то не взял? - говорит Слоним.

- Как киселя?

- Ты киселя-то возьми.

Теперь и кусок-то в горло не полезет. Что это? Солнце слепит.

Слоним сидит напротив, кисель пьет. Да полно, Слоним ли это?

И вот опять я веду и веду эту линию. Кнопки блестят, круглые. Капли еще каплют. Синицы же нет. Рейсшину почистить надо - мажется. Синицы нет. Иван Филипыч подходит.

- Так, так, - говорит.

Я черчу, не оборачиваясь, веду свою линию.

- Культу подхавали пафли, - слышу я из-за спины.

- Что вы сказали?! - говорю я.

- Я? Ничего. Что это вы, право?..

И отходит.

Я же черчу. Только что-то вдруг все на меня пристально смотреть стали. И не чертят уже, смотрят все и молчат.

"Да полно вам", - хочу сказать я.

Молчат. Солнце. Кнопки блестят. И чертежные доски отдельно так стоят, черные на солнце, на тонких ножках; ножки все мелькают - и словно бы все эти доски по комнате плавают и ножками перебирают.

"Ну что вы?! - хочу сказать я. - Не надо! - хочу крикнуть я. - Да вы что?!"

Молчат. Все словно бы расплзается перед моими глазами, как мокрая промокашка. Серое такое, амебное...

"Спокойно, - говорю я себе. - Только спокойно. Культпоход завтра. Возьми себя в руки".

01.04.1962

ВОСПОМИНАНИЕ О БОЧКЕ

Эта бочка, совершенно непонятно почему, стояла на насыпи, причем так близко от проходящих поездов, что до нее можно было дотянуться рукой. Она была железная и пустая, а сразу за ней был длинный склон насыпи, и там, в глубине, под насыпью, до самого леска - огромная лужа. Бочка была рыжей от ржавчины, и на ней было написано 703-КЛ, но и эта надпись была уже рыжей. Невдалеке от бочки стоял маленький белый столбик с цифрой 7, отмечающей очередные сто метров. А в другую сторону, и тоже не вдалеке, стояла черная металлическая мачта, которая поднимает плоскую металлическую лапу с кругом-кулаком на конце. От этой мачты долго еще, до самой путевой сторожки, низко над землей тянутся интересные такие тросики. Побеленные же камушки, уложенные чуть не через каждый метр, тянутся вдоль всей линии аккуратной цепочкой. У этой мачты, внизу, даже растет трава, и несколько запыленных ромашек с трудом поддерживают свои головки. А под насыпью - там вообще море этих ромашек, до самого леска. Лесок из молоденьких сосенок - пушистый и веселый. Чуть подальше за ним течет ручеек, и один его изгиб виден с железной дороги: так он поблескивает. За ручейком длинное непонятное

строение, и всегда одна и та же грустная лошадь пасется около него, и кажется: никогда не сойдет со своей точки. А там, дальше – луг и опять что-то вроде ромашек, до самого горизонта. А если нет дождя, то над всем этим еще голубое небо с редкими взбитыми облачками.

Так вот, бочка, старая и ржавая, стояла на высокой насыпи, у самой колеи, и внизу была лужа. По насыпи полз зелененький дачный поезд. На подножке одного из вагонов сидел Петр Иванович и ехал на дачу. Он вез туда большую подушку. Он сидел на подножке, обнимал подушку, и подбородок его покоился сверху. Ему было очень удобно сидеть вот так, с подушкой, и он дышал воздухом, который совсем другой, чем в городе. А дождя в это время не было, и поэтому небо было голубое, с редкими взбитыми облачками.

И Петр Иванович увидел множество ромашек и пушистый сосновый лесок, за леском блеснул ручеек, и Петр Иванович увидел длинное непонятное строение и эту грустную лошадь, а дальше луг и опять ромашки... Он глубоко вздохнул, и что-то переполнило его.

И тогда он увидел рыжую бочку прямо перед собой и так близко, что ничего не стоило до нее дотянуться. В тот же миг Петра Ивановича озарило. Будто полыхнуло.

Озарение – вещь мгновенная:

он увидел перед собой бочку –

и пнул ее ногой в совершенно естественном желании посмотреть, как эта пустая железная бочка, которая еле держится на краю насыпи, покатится глубоко вниз по этой насыпи и шлепнется в огромную лужу, и сколько при этом будет шуму...

И вот что произошло:

бочка осталась стоять на месте, нисколько не шелохнувшись,
а Петра Ивановича с подушкой не оказалось на подножке.

То есть, совершенно невозможно себе представить, как закричал кто-то в тамбуре, и как они кричали дальше, между тем как поезд, что совершенно естественно, далеко уже проехал мимо бочки, где-то под собой оставив Петра Ивановича и увозя кричащих в тамбуре. Вполне понятно, что через некоторое недолгое время поезд все-таки стал, и из него вылетели и помчались назад по насыпи кричавшие в тамбуре и многие другие люди из поезда, может даже, весь поезд, и вот они высыпали и бежали назад по насыпи, рисуя себе ужасные картины.

И вот видят Петра Ивановича, если можно так сказать.

Он вырос вдруг, как из-под земли...

И вот он идет себе по шпалам им навстречу, широко и радостно улыбаясь,

и в руках у него –
две ромашки.

Олег ГРИГОРЬЕВ

Он казался нам ребенком. Он был "сэхэшатиком" (учеником средней художественной школы, отсюда исключенным), с одного курса с Эдуардом Зелениным. Он был очень одаренным живописцем, но забросил живопись, увлекшись литературой. Учителями его были те же Голявкин и Горбовский. Однажды, я могу датировать это либо 56-ым, либо 58-ым годом, вслед за очередным разоблачением Сталина, Горбовский мне рассказал: "Представляешь, прибегает ко мне Олежка, глаза вытарщенные, и говорит: "Ты про Сталина слышал, что оказывается?!" - "Уж слышал..." - отвечаю я ему".

Другой раз я могу датировать это 62-ым годом (по выходу "Ивана Денисовича"), Олежка сообщил нам, что пишет роман. Писал он его долго, роман был очень большой. Наконец, написал. Роман был страниц на шестьдесят и назывался "Один летний день". Это была повесть о трех- или четырехлетнем мальчике в летнем лагере, написанный о недовспоминаемом возрасте. Это был шедевр, произведший на меня лично впечатление большее, чем "Один день..." Это было прекрасно и страшно. Такая живопись, и мощь, и чувство! Как бы я хотел опубликовать его здесь! Но рукопись безвозвратно утеряна.

Сейчас Олег Григорьев достаточно знаменит как поэт. Признан даже самой пост-пост-пост-модернистской волной. Хотя бы как основоположник черного юмора. Ибо это именно он написал:

Я спросил электрика Петрова:
 "Ты зачем надел на шею провод?"
 Петров же ничего не отвечает,
 Висит и только ботами качает .

ПЬЕДЕСТАЛ

Стоит гранитный пьедестал:
 Здесь будет монумент.
 Я ловко - прыг, и в позу встал,
 Меня низвергнул мент.

Оштрафовал на сто рублей,
 А где я их достану?
 На пьедестале мне, ей-ей,
 Стоять не по карману.

* * *

Утром соседка голая
 На кухне усердно мыла
 Под краном квадратную голову
 Круглым розовым мылом.

Знай, что она тут голая,
Я не вставал бы так рано;
Соседка отдернула голову
И отломала полкрана.

* * *

Я лежал на оттоманке,
А жена моя, фрейдистка,
Ловко ставила мне банки
С наслаждением садистским.

Страшно факелом вертела,
Норовя меня обжечь;
И, наверное, хотела
Точно рябчика испечь...

* * *

Ездил в Вышний Волочек.
Заводной купил волчок.

Дома, лежа на полу,
Я кручу свою юлу.

Раньше жил один я, воя,
А теперь мы воем двое.

БАЛЛАДА

Написал бы я балладу.
Тема есть, сюжета нет;
Нет сюжета – и не надо:
Будем делать винегрет.

На столе сарделек связка:
Свекла, перец, огурец.
Здесь завязка, там развязка,
Тут начало, там конец.

Наша Шура – Красота –
Платье сбросила в окошке.
(Нет, не будет ей кота,
Хороша сама, как кошка.)

Шура смотрит из окна,
Над проспектом свеса груди,
Сзади вся оголена
И бела, как манный пудинг.

Это видит мальчик Петя,
Смотрит, будто метит в цель.
Петя видит все на свете,
Даже если смотрит в щель.

Петя Клоков – пионер.
Он девчонок не боится.
Открывает Петя дверь –
Шлеп рукой по ягодицам.

Шура шепчет: караул!
А сама валит на спину,
Петя ткнулся, как нырнул
Прямо Шуре в середину.

.....
.....
Утонул он! Так и надо...
Вот сюжет и вот баллада.

ШЕКСПИРТ
(сонет 301)

Виталику Угриновичу

Закиня ноги гениально,
Она уперлась в потолок.
А я в углу сидел бездарно,
Пустой, как скатанный чулок...

Вот так, все таинства на свете
Перелистнула мне она.
Теперь я зна... откуда дети,
И мир, и горе, и война.

И наслаждение, и страдание,
Икры любовной волдыри,
Сиянье звезд и мироздание –
Все где-то там в ее нутри.

В какой-то малой спирохете
Весь мир со звездами и дети.

* * *

Я лежу
На пляжу
В розовой рубашке.
А кругом
Как содом:
Ляжки, ляжки,
Ляжки, ляжки,
Складки, груди и зады...
Жарче пляж сковороды.

* * *

Ни баб, ни выпивки, ни денег –
Такое злое было лето.
Я закопался в муравейник –
Пусть обглодают до скелета.

Ему не надо есть и пить.
Лежи себе в тиши,
Ни танцевать, ни баб любить, –
Питайтесь, мураши.

Однако, бледный мой скелет
Остался в брэнном теле

Стащили те меня в кювет,
А есть не захотели.

ДРУЖБА

Я в комнату к другу шагнул
И двери захлопнул тяжко.
Увидев меня, он икнул
И выронил на пол чашку.

Брошенная на тахту
Моя тут невеста лежала
С ватным кляпом во рту –
Лежала и не дышала.

Я развязал ей руки,
Вынул кляп изо рта.
Не издавая ни звука,
Трусы натянула та.

Надела колготки и платье,
Туфли, шапку, пальто.
И вышла, спиною пятясь,
Не хлопнув дверью притом.

– Ну что же, прощай, подруга!
Вот так, навсегда прощай! –
Тронул плечо я друга:
– Ну что же, давай пить чай.

* * *

Инга ПЕТКЕВИЧ

В прозе у нас самыми замечательными женщинами были Майя Данини (умерла) и Инга Петкевич. Она прославилась рассказом "Мы с Костиком", опубликованном в "Молодом Ленинграде" в 1962 году. Суровый Юрий Казаков передавал ей из Тарусы свой восторг. У нее вышли детские книжки и роман "Большие песочные часы". Последние лет двадцать она пишет чудовищную эпопею "Загробный мир" о женских судьбах застигнутого нами периода и все боится с нею расстаться. Внутри этой эпопеи наблюдались предшества Л.Петрушевской и последовавшей за ней волны "чернухи", а эпопея все дописывалась и переписывалась. Словно бы она боится расстаться с нею. Тоже можно понять. Так что, никто по-прежнему о ней не знает, ни об эпопее, ни о Петкевич.

Между тем, такой строгий ценитель как Лидия Яковлевна Гинзбург, снисходившая к прозе Рида Грачева и мьей, относилась к прозе Петкевич (в частности, и к той повести, что помещена здесь) с неподдельным удовольствием и признанием (скрывая от нас всех, что сама она - прозаик № 1).

Вполне ленинградская судьба.

ЭНИКИ - БЕНИКИ

Коза пропадала почти каждый вечер, но Любка изучила ее повадки. Коза проходила лес, спускалась в овраг, переходила ручей, потом шла по овсяному полю, затем поднималась по крутому склону на вершину горы, самое высокое в округе место, и там, взобравшись на огромный камень, стояла абсолютно неподвижно, высоко задрав голову и пристально глядя в сторону заходящего солнца. Поймать ее по дороге было невозможно, но там, на вершине, коза уже ничего не видела и не слышала, и можно было спокойно взбираться на камень и стаскивать козу на землю. Она не упиралась, она, казалось, не замечала ничего вокруг, она давала себя стащить и покорно шла на поводу - только голова ее была повернута в сторону заката.

Так было почти каждый вечер.

Любка шла по лесу. Где-то впереди звенела колокольчиком коза. И тут - казалось, над головой - чей-то негромкий, но ясный голос сказал:

У капель - тяжесть запонок,
И сад слепит как плес,
Обрызганный, закапанный
Мильоном синих слез .

Любка насторожилась.

- А? - сказала она.

Голос что-то ответил, но звучал он уже где-то в отдалении, и до нее дошло только четыре слова: "он - ожил - ночью - нынешней".

Любка нырнула в заросли орешника и, тревожно озираясь, быстро, но бесшумно подкралась и увидела человека. Он шел, касаясь руками ветвей, и говорил красивые слова. Любка крадась за ним. Открытые места она пробегала на четвереньках, в более густых - забегала вперед и, спрятавшись за деревом, ждала. И он проходил мимо, размахивая руками, или вдруг останавливался и, задрвав голову к небу, стоял совершенно неподвижно. Так он чем-то напоминал ее козу, и Любка чувствовала, что можно и не прятаться: все равно не заметит. Ей захотелось рассмотреть его получше, и она решила сделать круг и подождать его около болота, где кусты были особенно густыми и можно было подойти поближе. Она как раз перебежала поросшую вереском, открытую полянку, когда он неожиданно оглянулся и посмотрел в ее сторону. Некоторое время они в упор разглядывали друг друга. Он что-то крикнул, она вздрогнула, заметалась, но место было открытое, и тогда она упала лицом в вереск и, прикрывая голову руками, замерла. Ей казалось, что он стоит над ней...

Когда же она подняла голову - вокруг никого не было, и все было тихо.

- Исчез... - прошептала она. Задумчиво огляделась, вздохнула, прислушалась и опять вздохнула. Потом, будто что-то вспомнив, стряхнулась, движения ее стали быстрыми и озабоченными. Она спустилась в овраг, перешла ручей, вышла на овсянсе поле - отсюда была видна гора, и камень, и черный силуэт козы. Уже бегом она пересекла поле, поднялась на гору, взобралась на камень.

- Еще не проходил? - спросила она козу.

Коза скосила на нее рыжий глаз и мотнула головой.

Любка сидела на камне рядом с козой. Там, далеко внизу, за рекой и полем, проходила большая дорога. По дороге шли машины. Большею частью это были грузовики или огромные корявые машины, которые она про себя называла скалозаврами. Они выскакивали из-за леса и, неуклюже подпрыгивая, мчались в Большой Утюг. За Большим Утюгом дорога снова выходила в поле, но грузовики и скалозавры больше не выходили в поле, все они застревали в Большом Утюге. И только он, он один, не застревал...

Уже пол-солнца ушло под землю. Любка тревожно смотрела на дорогу. Может быть, что случилось, может быть, он поскользнулся и лежит теперь в канаве, или заблудился, или уже проезжал? Солнце совсем перекошилось.

- Бип! - он вынырнул из леса и плавно покатил по дороге. И даже теперь, в сумерках, было видно, какой он голубой и красивый. Любка вскочила на ноги, вытянулась и затаила дыхание.

Она знала, что напротив горы автобус остановится, и люди выйдут из него, а водитель выпрыгнет из кабины и станет что-то говорить, показывая на нее рукой, и тогда люди достанут фотоаппараты. Раньше он не останавливался. Провожая его глазами, она знала, что когда-нибудь он все-таки остановится. Он должен был остановиться, он не мог не остановиться, и он остановился. Люди вышли из него. Она подалась вперед, хотела бежать к ним, махать руками, плакать, но что-то остановило ее. Люди должны были позвать ее первыми. А они вдруг достали фотоаппараты и стали ее фотографировать.

- Они думают, что мы памятник, - сказала она козе.

Коза вздохнула.

На Большой Утюг опустился туман. Из тумана торчали только черные трубы, из труб валил дым. Туман был розоватый, дым - коричневым. Автобус исчез в Большом Утюге. Она ждала, пока он появится с другой стороны, но он не появлялся.

- Неужели он тоже там застрянет? - сказала она козе.

- Вы что-то сказали? - переспросила коза.

- Наконец-то ты заговорила, - не отрывая глаз от дороги, медленно сказала она.

- Гм, - сказала коза.

- Я давно ждала, когда ты заговоришь. Мне очень надо с тобой поговорить.

- Гм, - сказала коза.

- Я хочу у тебя спросить: зачем ты привела меня на эту гору? Зачем эти люди нас фотографируют? И еще, кто этот человек, что ходит по лесу и говорит вслух сам с собой?

- Этот человек - я, - сказала коза.

Любка оглянулась и удивленно посмотрела на козу, но коза все так же невозмутимо смотрела на красную полоску заката. Любка спрыгнула с камня и увидела человека. Он лежал на спине, заложив руки за голову. Его лицо было спокойно и неподвижно. Почему-то она не испугалась, она медленно подошла поближе. Он не посмотрел на нее, он смотрел в небо, и глаза у него были красными.

- Ты плакал? - спросила она.

Человек молчал.

- Почему ты плакал? - повторила она.

Человек молчал.

- Ты долго ехал? - спросила она.

- Долго, - сказал человек.

- Ты приехал на голубом автобусе? - спросила она.

- На голубом автобусе, - отвечал человек.

- Ты приехал за мной?..

Человек моргнул и медленно перевел глаза на ее лицо. Он смотрел

долго и неподвижно.

- Не знаю, - человек вздохнул и закрыл глаза.

- Значит, ты приехал за мной, - спокойно сказала она.

- Не знаю, - человек не открывал глаз. - Я давно ничего не знаю. Сегодня - тут, завтра - там. Вчера мы были в местечке Китц, но там не было солнца. Мы ждали его целую неделю, и местные дружинники поколотили меня. Зачем я там был? - не знаю. Почему меня били? - не знаю. Кому все это нужно? - не знаю. А теперь я лежу под каким-то камнем. У меня над головой стоит коза, какая-то маленькая странная девчонка задает мне какие-то загадки. Почему, зачем? Должна же быть какая-то связь, должна ведь, должна, должна! Вот ты думаешь, что она есть? Ты думаешь, раз есть голубой автобус, и этот автобус ездит по дороге, а ты со своей ненормальной козой стоишь на камне, и эти идиоты из автобуса фотографируют вас, - ты думаешь, раз все это так, то однажды из автобуса выйдет прекрасный принц и увезет тебя в заморские страны. Ты думаешь, что **все это** для тебя?

- Нет, - крикнула она. - Ведь ты ничего не знаешь, не знаешь, что раньше он совсем не останавливался, он проезжал мимо. Я знала, что он остановится - и он остановился.

Человек открыл глаза, лицо его стало растерянным.

- Может быть, ты права, - сказал он. В таком случае я приехал за тобой, тебе виднее. Может быть, я заморский принц, думай, как знаешь. А что дальше? Что я должен делать? Ты все знаешь? Что мне делать с собой, с тобой, с твоей козой? Я не знаю.

- Ты должен взять меня в жены, - отвечала она.

- Ах так... - человек улыбнулся. - И какой же я осел! Все так просто, что может быть проще!

Человек захохотал. Она терпеливо ждала.

- А козу? - хохотал человек. - Куда мы денем козу?

- Козу возьмем с собой, - сказала она.

- Ну уж это ты брось, - человек стал серьезным. - Козу не возьму. К чему мне коза? И не проси, не поверю.

- Без козы не поеду, - твердо сказала она.

Человек усмехнулся, потом сделал отчаянный жест рукой.

- Козу, так козу. Один черт, еще и козу.

- Спасибо, - тихо сказала она.

Он вздохнул и закрыл лицо руками. Любка присела напротив. Они долго молчали. Когда же он убрал руки и посмотрел на нее, ей стало очень скучно.

- Прости, - сказал он. - Я пошутил. Я не могу взять тебя в жены, не гожусь, поищи другого принца.

- Я не хочу другого, - ее голос сорвался, она всхлинула и вдруг стала всхлипать часто-часто. - Я не хочу, не могу больше ждать, я

перестану ждать, я тоже устала ждать.

Человек не успокаивал. Он опять смотрел прямо перед собой, и лицо его было неподвижным.

- Хорошо, - наконец сказал он, - я помогу тебе. Я тоже попробую подождать. Сколько тебе лет?

- Восемь.

- Во втором классе?

- Ага.

- Так вот, через десять лет я буду ждать тебя.

Любка молчала.

- Ну что же ты? - человек сел. - Что ты такая мрачная? Подойди, улыбнись.

Любка улыбнулась. Человек во все глаза уставился на нее.

- С такой-то улыбкой! - воскликнул он. - Ты спасешь нас! Пошли, пошли скорей!

Он схватил Любку за руку. Она только и успела ухватить за поводок козу, а он уже тащил их, обеих, через лес, овраг, болото. Она еле поспевала за ним. Они вылетели на опушку леса и очутились в кругу совершенно незнакомых людей. Люди сидели на странных металлических стульчиках и удивленно смотрели на них. Чуть поодаль, около голубого автобуса, собралась почти вся деревня.

- Вот, в лесу нашел, - сказал человек, подталкивая ее к пожилому седому мужчине. - Улыбнись!

Любка улыбнулась. Седой важно поднялся со стула.

- Вот это улыбка! - взволнованно сказал он.

- Меня зовут Люба, - тихонько сказала она.

- Люба, Любушка, Любушка-голубушка... - пропел седой. - Любовь. Ну, где любовь - там и улыбка. Будешь нашей Улыбкой.

Все засмеялись.

Через неделю на опушке леса появилось пол-избы, на Улыбку надели сарафан и посадили ее на печь.

Через десять лет

Новый агроном сидел во главе стола. Он был с бородой, но все равно было заметно, что он совсем еще мальчишка. Сидел он важно, разваливаясь, и с иронической усмешкой разглядывал присутствующих. На спинке стула висело ружье, а в зубах у агронома была замысловатая деревянная трубка. Он сидел, будто зашел на минутку: вот передохнет и уйдет обратно в лес. В избе было душно, на курено и пахло квашеной капустой.

- Вот и Улыбка пришла, - сказал кто-то.

Улыбка поставила на стол банку соленых грибов и корзиночку орехов. Агроном насмешливо разглядывал ее.

- Подойди, - сказал он.

Улыбка подошла.

Агроном вздохнул.

- Спой нам что-нибудь народное, - устало попросил он.

- Я не пою, - сказала она.

- Ну, станцуй.

- И не танцую.

- Так почему же тебя зовут Улыбка?

- А так...

- Ну, что ж с тобой поделать, садись.

Улыбка села. Агроном затянулся и скрылся в клубах дыма.

Верка сидела на другом конце стола и, прикрываясь рукой, сосредоточенно следила за ним. Агроном отстегнул от пояса фляжку.

- Налей, - он протянул фляжку Улыбке.

Она открутила крышку и налила.

- Чистый спирт, - небрежно сказал агроном. Он поднес стакан к губам и, пристально глядя на нее, выпил, не закусывая. Девки дружно ахнули, парни загудели.

- Пей, - агроном хотел налить.

- Я не пью, - сказала Улыбка.

- Пей же, пей, моя подружка, на земле живут лишь раз, - сказал агроном и положил ей руку на плечо.

Тут что-то грохнуло. Верка, опрокидывая стулья, выскочила в сени. Агроном растерянно посмотрел ей вслед. С Веркиным уходом атмосфера в избе накалилась. Девки, собравшись в кружок, что-то возбужденно обсуждали. Парни смотрели хмуро и настороженно. Те и другие враждебно косились на агронома.

- Мне, пожалуй, пора, - он в замешательстве посмотрел на Улыбку. Но тут дверь с треском распахнулась. На пороге стояла Верка, а лицо у нее было такое, что все замерли... Верка гневно усмехнулась, пересекла комнату и, прислонившись к стене, запела:

"Она как статуя стояла
В наряде пышном под венцом
И с изумлением взирала
Своим истерзанным лицом.
Он, нелюбимый, с нею рядом
По праву сторону стоял
И на невесту с хищным взглядом
С улыбкой счастья взирал..."

Верка пела и в упор смотрела на агронома, тот испуганно моргал. Кто-то всхлипнул.

"Он - властелин, она - рабыня,
Она - ребенок, он - старик,

О, как поругана святыня!
 О, как ничтожен этот мир!.."

Кто-то заголосил. Воспользовавшись суматохой, агроном хотел улизнуть, но Верка преградила ему дорогу. Глаза ее сверкали. Продолжая петь, она повелительным жестом усадила агронома на место. Несколько строк пропало в общей суматохе, но слова: "Она на лик Христа взглянула и прошптала: "Бог храни..." - Верка пропела так громко, что все сразу притихли.

"Но были слышны ее звуки,
 Но их никто не понимал,
 И только кто-то за колонной
 По ней безумно так рыдал".

Агроном обалдело озирался, Верка не спускала с него глаз, лицо ее было торжественно и вдохновенно.

"Брюнет-красавец, ей любимый,
 Он стоял в пяти шагах.
 Она, увидя, зашталась
 И прошптала: "Жизнь моя..."

Верка сделала паузу. Агроном подумал, что это конец, облегченно вытер лоб. Когда же Верка снова запела, агронома охватило отчаянье.

"Где стол, накрытый для обеда,
 Там белый гроб ее стоял.
 Вчера ей пели "много лета",
 Сегодня "вечно" ей поют..."

Верка перевела дыхание. Агроном не шевелился, и лицо его уже ничего не выражало.

"Из померанцевых букетов
 Ее украсили кругом,
 Букет из алых роз, брюнета,
 Ей положили на груди".

Наступило молчание. Все застыли. Верка твердо пересекла комнату, у дверей круто обернулась, и, окинув всех последним, гневным взглядом, вышла, хлопнув дверью. И тотчас из сеней раздался страшный грохот.

- Повесилась?! - взвизгнул кто-то.

Девки все разом вскочили и шумной толпой повалили в сени. Парни угрожающе задвигались. Потрясенный агроном беспомощно развел руками и нерешительно посмотрел на Улыбку. Она неопределенно хмыкнула.

- Не смешно,- сказал агроном. - Что же мне теперь, жениться на ней, что ли?

- А почему бы и нет... - лениво отвечала она.

- Ну, знаешь, я не удивлюсь, если сегодня меня еще и прирежут...

- У нас шутить не любят, - ответила она.

- Что же делать? - заискивающе спросил агроном.

- Не знаю, - зевнула она.
- Может быть, ты меня проводишь?
- Пошли, - сказала она.

Они вышли на улицу. На черном небе ярко горели крупные осенние звезды. Улыбка посмотрела на небо и подумала, что завтра будет хороший день, и неплохо бы сходить за клюквой. Упала звезда.

- Умерла, - сказала Улыбка.

Агроном вздрогнул.

- Звезда, - сказала она.
- А... - вздохнул агроном.
- Это все из-за бороды, - сказала она.
- Ты думаешь? - серьезно спросил агроном. - С бородой я как-то

солиднее.

- А... - сказала она.

Агроном обнял ее за плечи.

- Хочешь музыку послушать? - сказал он. - Я приемник привез...
- Хочу, - сказала она.
- Так пошли ко мне? Да ты не бойся...
- Сам ты боишься.
- Я боюсь?!
- Боишься.
- Чего мне бояться?
- А вот... сделают темненькую...

Агроном притих. Шли по улице. Деревня спала, было темно и тихо. Неожиданно тявкнула собака, агроном вздрогнул.

- Собака, - сказала Улыбка.
- Я не боюсь.
- А что их бояться?

Агроном поцеловал ее.

Занавески на окнах были расшиты красными петухами. Улыбка сидела перед окном на табуретке, локти упирались в колени, подбородок лежал на подоконнике. За окном было черное свежевспаханное поле, от земли шел пар. Поле кончалось аккуратным гребешком елового леса. Над лесом висела туча. Брезгливо потряхивая лапами, прошла аккуратная рыжая кошка. Мать шинковала капусту. Братья играли в кораблекрушение, они прыгали с печки на стол и при этом швырялись кочерыжками. Одна кочерыжка попала в Улыбку. Она встала и вышла в сени, заглянула в бадью с водой: вода была темной, дна видно не было.

- Наверное, уже встал, - подумала она, вышла на улицу и направилась к агроному.

Агроном открыл дверь, шагнул ей навстречу. За дверью были слышны голоса. Агроном скрестил руки на груди, окинул насмешливым взглядом.

- Уже пожаловали... - сказал он.

- Да, - сказала она.

- И что это вам не спится?

- Мы встаем в шесть.

- А мы спим до двенадцати. А теперь - марш отсюда, и чтобы мне таких фокусов не повторялось. Ступай.

Улыбка повернулась и пошла.

- Впрочем, погоди, - остановил ее агроном. - Тут ко мне приятели приехали, поохотиться. Может, познакомить?

- А на кого они будут охотиться? - спросила она.

- Не знаю, спроси сама.

В комнате играла музыка, она узнала пластинку. Приятели сидели вокруг стола и ели картошку. Улыбка пересекла комнату, присела у окна.

- Вот, Улыбка, - говорил агроном, - здешняя достопримечательность. Не поет, не танцует, собак не боится. Лет... Сколько тебе лет?

- Восемнадцать.

- А ничего себе, - сказал один.

- Отхватил! - сказал другой.

- Везет, - сказал третий.

- Издеваетесь? - покраснел агроном.

- Не подходит - подари, - сказал один.

- Почему же тебе? - сказал другой.

- Бросим на пальцах, - сказал третий.

Все быстро подняли пальцы, пересчитались. Рыжий выиграл.

- Слышишь, Улыбка! Я дарю тебя этому рыжему, - сказал агроном.

Она смотрела в окно. Куры озабоченно рылись в навозе. Было скучно. Почему-то вспомнился теленок. Она его сегодня даже не выводила - лежит теперь в темном хлеву. А ведь скоро зима, может быть, последние теплые денечки. И неизвестно: наверное, его еще и прирежут, и ничего тут не поделаешь. Вот родился бы он телочкой. А бычок...

- Улыбка, да Улыбка же...

- Ну что еще? - она оглянулась.

- Ты слышишь, я тебя подарил.

- Ну подарил, так подарил.

- Вот этому рыжему, будь с ним поласковой.

Улыбка посмотрела на рыжего. Он покраснел и подавился картошкой.

- Нет, ты так не отделаешься, - сказал агроном, - принимай подарок.

- Да что вы... Да что я вам...

- Ну вот, - сказал агроном, - сначала просил, а теперь в кусты.

- А ну вас! - у рыжего покраснели даже руки.

- Пошли, - сказала Улыбка и взяла рыжего за руку.

- Да куда же вы? - растерянно пробормотал агроном.

Улыбка шла к дверям, ведя рыжего за собой.

Рыжий грибов не находил. Он ходил вокруг Улыбки, боялся заблудиться и все рассказывал анекдоты. Улыбка анекдотов не понимала – это очень расстраивало рыжего, и он подробно объяснял ей смысл анекдота. Объяснения были куда смешнее самих анекдотов, и Улыбка смеялась. Рыжий только этого и добивался. Он во все глаза смотрел, как она смеется, и говорил, что это для него настоящая находка, и что ее улыбки ему хватит на всю жизнь. Рыжий был художник.

– А что, – говорил он. – Поженимся, выстроим избу, разведем кур. Чем не жизнь?

Улыбка смеялась.

Художник не охотился. Каждый день он заходил за Улыбкой. Они ходили за грибами. Дома они разбирали грибы.

– Это что? – художник протягивал ей гриб.

– Сыроежка, – говорила она.

– Вот и врешь, сыроежка – красная.

– Сыроежки всякие бывают.

Братья покатывались со смеху. Художник не обижался. Когда приятели уехали, он совсем перешел жить к Улыбке. Он принес краски и стал рисовать всех подряд. Он нарисовал Улыбку, и ее мать, и всех братьев, и даже теленка. Он ходил по избе в мягких шерстяных носках и сладко зевал.

– Вот это жизнь, – приговаривал он.

Однажды зашел агроном, они распили бутылку водки, потом о чем-то долго и возбужденно говорили, потом подрались, и художник выставил агронома за дверь.

С тех пор Улыбка стала повсюду встречать агронома: то у колодца, то в лавке, то на ферме, то просто выходил из-за угла и провожал до дому.

В правлении колхоза, куда ее зачем-то вызвали, тоже был агроном. Он сидел за столом и точил карандаш.

– Садись, – важно сказал он.

Она села.

– Ну, как поживаешь?

– Хорошо.

– Хорошо?! С этим-то кретином?! – карандаши разлетелись во все стороны. Улыбка нагнулась и стала собирать их.

– Он не кретин.

– Ну, хорошо, это я кретин, я!

– И ты не кретин.

Агроном вздохнул.

– Ну, хорошо, оставим кретинов в покое, а он на тебе не женится!

Улыбка молчала, агроном встал, подошел сзади и положил руку ей на плечо.

- Я же тогда пошутил, - тихо сказал он. - Глупые мы, глупые... Вернись ко мне, Улыбка!

Она молчала.

- Видишь, это я тебе купил, - он надел ей на шею длинные голубые бусы. Она потрогала бусы.

- Это лунный камень или птичий глаз? - спросила она.

- Не знаю. Так пошли ко мне, Улыбка?

Они шли по деревне, агроном держал ее за руку. Художник стоял на крыльце. Заметив их, он прыгнул с крыльца и побежал в лес. Улыбка рванулась за ним, но агроном удержал ее.

Только на другой день вернулась она домой. Картин не было, художник уехал. Она присела к окну. Уже смеркалось. На скамейке у плетня сидели две бабы.

- А то случай был, - говорила одна. - Продала бабка Матрена корову. Нет, вру, выиграла по облигации, сто тыщ... Принесла деньги домой и спрятала под матрац. Нет, вру, в эту, как ее, в сберкассу положила. И вот, среди ночи - стук в дверь. Глядь, а на пороге - черт...

- Не черт, а домовой, - перебила другая.

- Черт, говорю, черт, самый настоящий черт - хвост, рога, копыта! "Ну, баба, - говорит, - собирайся, заждались мы тебя". У бабки-то и дух захватило. "Бери все, что есть, - говорит, - только отпусти..." "Давай, - говорит черт, - деньги давай!" Бабка под матрац, а деньги-то в этой, в сберкассе. Бабка - так, мол и так: деньги в сберкассе положены. Черт подумал и говорит: "Ну, хорошо. Жаль мне тебя, старую, я завтра пожалую". Чуть свет - бабка в сберкассу. А там и смкнули: зачем это бабке столько денег? Проследили. И вот ночью приходит черт - его и хватают. И знаешь, кем оказался?

- Председатель?!

- Нет, агроном.

- Из верных рук знаю: председатель!

- Агроном!

- Агроном... - сказала Улыбка. И отошла от окна.

"И почему у них всегда - председатель или агроном? Будто больше некому", - лениво думала она.

На скотном дворе было темно. Корова, куры... Теленка не было. Выбежала на огород, где после уборки овощей обычно привязывали теленка. Но и там никого не было. "Хоть бы потерялся. Убежал бы, что ли..."

И вдруг очень захотелось спать.

Она проспала вечер и ночь, и день. Она спала на сеновале. Снилось ей лето и много веселых телят. Под вечер кто-то разбудил ее. Она открыла глаза и увидела Верку. Верка склонилась над ней, в занесенной

руке у нее был большой кухонный нож. Свободной рукой Верка зачем-то махала перед своим носом. Сквозь ресницы Улыбка наблюдала за ней. Около веркиного носа кружила большая зеленая муха. Верка махала рукой, но муха не улетала. Устав махать, Верка воткнула нож в стенку и выгнала муху за дверь. Потом она снова взяла свой нож и, склонившись над Улыбкой, высоко занесла его. Улыбка прикрыла глаза. "В будущем году опять будет теленок, и его снова зарежут", - подумала она. "Заснуть бы..." Но больше не спалось. Она приоткрыла глаза. Верка стояла в той же позе. Рука у нее, видимо, затекла, потому что она переложила нож в левую руку, а правой трясла в воздухе, как на уроке физкультуры. Улыбка вздохнула, Верка быстро перехватила нож в правую руку.

- Ну, что? Опять? - спросила Улыбка.

Верка не отвечала и все выше заносила нож.

- Ну, что тебе? - Улыбка встала, размяла ноги и села на пустую бочку.

- А то не знаешь?! - неожиданно звонко крикнула Верка.

- Агроном? - спросила Улыбка.

- Агроном, - Верка всхлипнула.

- Сначала Васька, потом Сашка, теперь агроном. Да что тебе, дру-гих парней нет? Обязательно мои нужны? - Улыбка рассмеялась.

От ее смеха Верка взвизгнула, упала на сено и стала быстро зарываться в него.

- Отдай агронома! - вопила она, а сама все глубже уходила в сено.

- Отдай агронома!

Голос делался все глуше, в последний раз мелькнули голые веркины пятки, и все стихло. Улыбка слезла с бочки, подошла к стогу. Копнула раз, другой: никого. И тут ей почудилось, что прямо над ее головой кто-то глубоко вздохнул.

Улыбка боязливо оглянулась, поспешно вышла из сарая, обшла его вокруг, влезла на завалинку и зачем-то заглянула в маленькое оконце.

- Ты что это делаешь? - за ней стояла мать. Улыбка спрыгнула с завалинки.

- Так, - сказала она, - интересно.

Мать пожала плечами, но выпрашивать не стала.

- Подожди, - остановила ее Улыбка. - Теленка зарезали?

- Ты бы лучше за своими хахалями следила, - проворчала мать.

- Одолжи мне двадцать рублей.

- Это еще зачем?

- Я уезжаю в город.

- Что же ты раньше не сказала?

- Раньше не знала.

Мать вздохнула и, ничего не сказав, направилась к дому. Улыбка проводила ее глазами, потом вошла в сарай.

- Вылезай, - сказала она.

Никто не отзывался.

- Вылезай, - повторила она.

- Не вылезу, - глухо отвечал стог.

- Забирай своего агронома, - сказала Улыбка.

Стог будто взорвало. Сено разлетелось во все стороны, и появилась всклокоченная Верка.

- Отдаешь?! - возбужденно выкрикнула она.

- Забирай, - говорила Улыбка, - на что он мне.

Но Верка не уходила, ей хотелось поговорить.

- И правда, ты и другого найдешь.

- Ты и другого отнимешь. Ведь это третий.

- Не жить нам вместе! - внезапно вскрикнула Верка. - Не жить!

- Я уезжаю, - ответила Улыбка.

Верка сразу замолкла. Она растерянно косилась на Улыбку, губы ее дрожали. Улыбка повернулась и спокойно пошла к двери.

- Не уезжай, - заискивающе попросила Верка, - зачем тебе уезжать?

Улыбка не обернулась, вышла из сарая. Направо - лес, налево - поле. Она пошла прямо, по тихой деревенской улице. Верка тоже вышла из сарая и задворками кралась за ней. Улыбка неопределенно хмыкнула и направилась к дому агронома. Около самого дома она резко повернулась; Верка торчала за плетнем. Улыбка засмеялась и пошла дальше. Теперь Верка бежала сзади, забегала и, как собака заглядывала в лицо:

- Не уезжай. Ну, хочешь, не надо мне агронома. Ну, бери его обратно...

- Зачем он мне? - Улыбка остановилась. Верка опасливо отступила.

- Не знаю... - совсем растерялась она. - Только тогда он мне тоже ни к чему.

Верка хлопала глазами, выступили слезы, она всхлипнула и, опустив голову, тихонько побрела к реке.

Улыбка смотрела, как она уходит. Она видела стоптанные босоножки, в растрепанных волосах - сено. Внизу над рекой - жидкий, оцепенелый березовый лесок, желтые листья. Подул ветер, и листья понеслись по черному полю к реке.

Шел длинный осенний дождь. За окном вагона была мокрая деревянная платформа, за платформой - черное свежеспаханное поле. Через поле бежал человек.

"Агроном", - подумала Улыбка.

Когда агроном уже подбегал к платформе, от деревни отделилась другая фигурка. Агроном бежал по тропинке, она же, чтобы срезать угол, побегала прямо по рыхлому полю.

"Верка, - подумала Улыбка. - Не успеет..."

Агроном бежал вдоль вагона. Вот он заметил Улыбку, остановился и стал что-то кричать, широко открывая рот и барабаня кулаком по стеклу.

Улыбка открыла окно.

- Ну что? - спросила она.

- Немедленно вылезай! - заорал агроном. - Слышишь, я кому говорю!
- и он грубо выругался.

- А как же билет? - сказала она.

- При чем тут билет?!

Поезд тронулся, вначале медленно, потом все быстрее, быстрее. Агроном бежал за вагоном.

- Остановите поезд! - как ненормальный орал он. - Остановите поезд!

Когда платформа кончилась, Улыбке стало холодно, и она опустила стекло. Села на пустую скамейку. Напротив, накрывшись с головой, спал кто-то маленький. Из под одеяла торчали ботинки, и Улыбка подумала, что это мальчик.

"Едем мы, друзья, в далекие края!" - неожиданно заорало у нее над головой. Мальчик вскочил и оказался небольшим старичком.

- Зачем включила?! - набросился он на Улыбку.

- Это не я, - сказала она, - оно само.

- Так выключи же скорей!

Улыбка поискала выключатель и не нашла.

- Я не могу, - сказала она.

- Ну да, все равно, - старичок махнул рукой. - А ты откуда взялась?

- Села.

- Где ты села?

- На станции "Утюг".

- Вот и врешь, нет такой станции.

- Я там села.

Старичок досадливо поморщился.

- И спорит, и спорит... - проворчал он. - Никакого уважения к старости. Села - так сиди!

- Я сижу.

- Сиди и слушай.

"Мама, не скучай, в гости приезжай!" - опять прорвалось радио.

Старичок болезненно поносился.

- Так не можешь?

- Не... - Улыбка помотала головой.

- Вот и я тоже. Не могу. Стар стал. А некоторые могут. Ты даже не представляешь, как многое они могут.

- Да...

- Что да?

- Не знаю.

- А не знаешь - так молчи. Я же спросил тебя помолчать, а ты все говоришь, говоришь.

- Я не говорю.

- Ну, а это что? Видишь, до чего слаб, какую-то девчонку не могу заставить помолчать. Бывало, сажусь в ресторане за столик, и сразу все замолкают. Говорят, говорят, а что говорят - не поймешь. В молодости я все думал понять, все прислушивался. Иногда будто что-то понимал, и тогда был счастлив и любил, и меня все любили, но потом неизменно оказывалось, что понимать нужно как раз наоборот. Я приходил в отчаянье, уходил от людей. Дома, в одиночестве, я все понимал как надо. Но меня тянуло к людям, я не мог оставаться один. И тогда я решил заставить их молчать. Я бы мог заставить их говорить, что надо, но уж больно сложно, как говорится: игра не стоит свеч. Так? - старичок посмотрел ей в глаза.

Она хотела сказать: "Да". Но язык не повиновался ей. Старичок радостно хихикнул.

- Не можешь? Ну так на чем мы остановились? Да. Зачем же им говорить, если я сам могу сказать за них. Как тебя зовут? Скажи!

- Улыбка.

- Гм, редкий случай. Я сразу заметил, что ты - редкий случай. Ну, ладно. Так куда ты, Улыбка, едешь?

Она открыла рот, но слов не получилось.

Старичок хихикнул и, передразнивая ее, сказал:

- Я еду в город, поступать в институт. В какой институт, и зачем мне этот институт - сама не знаю. Так?

Улыбка кивнула.

- Ну, не волнуйся, в институт ты не поступишь. Ну, а что ты, Улыбка, любишь больше всего? Больше всего ты любишь смотреть в окно. Редкий случай, сразу заметил... Ну да, ладно... А кем ты, Улыбка, хочешь стать? Ясно, что не знаешь. Почти никто этого не знает. Но с тобой - особый случай; ты можешь стать кем пожелаешь: врачом, агрономом, поэтом, физиком, художником, артистом. Выбирай, что угодно, и в любой области ты быстро достигнешь вершин. Везде тебя ждет самая блестящая карьера. Ты удивлена? - старичок иронически фыркнул. - Не волнуйся и не радуйся, ничего ты такого не достигнешь, и будешь ты никем. Впрочем, кто знает... Давай лучше съедем по яблоку.

Он пристально посмотрел ей в глаза, и она сразу же полезла на верхнюю полку. Там лежал большой чемодан, к ручке которого была привязана сетка с яблоками. Она выбрала два покрупнее, спустилась вниз. Старичок восторженно слежил за ней. Она протянула одно яблоко старику, он обрадовался как ребенок.

- Так на чем мы остановились? Да, я заставил их молчать. Я приходил в ресторан, выбирал самых разговорчивых, подсаживался, и они тотчас же замолкали. А я рассказывал им про размножение хризантем и разведение пионов и утепление плюбаго. Они слушали и даже не могли уйти. Так и сидели, пока я не отпускал их. Хорошее было время.

Старичок печально вздохнул.

- Теперь я стар. Они опять заговорили. Опять я ничего не понимаю. И не властен, не властен, не властен! - старичок зарылся в подушку и притих. Она уже собиралась залезть на свою полку, когда старичок опять вскочил.

- Ну, а теперь ты скажи что-нибудь.

- Я хочу спросить...

- Спрашивай.

- "У капель тяжесть запонок, и сад слепит как плес, обрызганный, закапаный мильоном синих слез..."

- Ну, а дальше, дальше?! - старичок вскочил, и лицо его странно загорелось.

Улыбка смотрела в окно.

- Не знаю, - сказала она, - я хотела спросить: что это?

Старичок хихикнул, подумал и хихикнул совсем иначе.

- Откуда это у тебя? - спросил он.

- Так, - сказала она, - случайно.

- Так что ты хочешь знать? - спросил старичок.

Она смотрела в окно.

- Я хочу знать, чье это?

- Ничье.

Улыбка посмотрела на старичка.

- Как это ничье? Я спрашиваю, какого поэта?

- Никакого, ничье, нет такого поэта.

- Как так, стихи есть, а поэта нет?

- Нет, и стихов нет, тебе показалось. Нет стихов, нет поэта, нет и все...

Улыбка хлопала глазами.

- Нет и все! - злобно фыркнул старичок. - Нет, не было и не будет. Забудь. Ни к чему, да его и нет. Ложись лучше спать, - совсем устало прибавил он.

Улыбка совсем уже засыпала, когда на одной станции дверь вдруг с грохотом отворилась, и на полу распластался человек.

- Мне все равно - страдать или наслаждаться! - орал он.

Старичок подобрал ноги и забился в самый угол.

- Управдом, - объявил он, - сразу видно: управдом...

- Прошу без личностей! - человек приподнялся и злобно покосился

куда-то под дверь. - Прошу не выражаться! - гаркнул он и ударил кулаком в металлическую пепельницу.

- Убивают! - завопил он и, сунув разбитый кулак подмышку, стал пинать пепельницу ногами.

- Вот тебе, вот, получай при дамах... - причивал он. Потом вдруг заплакал.

- Несправедливо! - всхлипывал он. - Несправедливость и обман. Ну, виноват - накажите. Я сам себя накажу.

Он поднялся и, цепляясь за что попало, забрался на свободное место, и там, встав на колени, уткнулся носом в угол.

Некоторое время он молчал. Но тут поезд качнуло.

- Один как шест, - четко сказал он и рухнул со скамейки на пол.

Полежав несколько минут неподвижно, он вдруг завозился, пополз к своей полке, приподнял ее, свалился в ящик для багажа и там затих.

- Как не бывало, - вздохнул старичок.

Ночь прошла благополучно. Только под утро в репродукторе что-то зашипело, и мягкий грудной голос торжественно произнес: "Граждане пассажиры, наш поезд прибывает на станцию "Ларьки". Он помялся и так же бодро и торжественно прибавил: "На станции есть кипятыльник".

Полка, под которой спал пьяный, приоткрылась, появилась всклокоченная голова.

- Где я? - безумно прохрипела она.

- В гробу, - отвечал старичок.

- А... - тот успокоился и тихонько прикрылся полкой.

Когда Улыбка проснулась, пьяный чинно сидел на своем месте и кушал крутые яйца.

- Вообще-то я непьющий, - сказал он. - Ну, выпил, случай такой, а вообще-то я управдом. Но это временно, это пока...

Он замолчал и лицо его стало таинственным.

- Картофельный комбайн! - значительно сказал он и неопределенно развел руками, видимо, изображая в воздухе корпус комбайна.

- Да, - сказала Улыбка.

- Вот-вот, - управдом важно вздохнул. - Картофельный комбайн - это тебе не фунт изюма. Американцы голову ломали, и англичане, и французы. Это только кажется, что так. А на самом деле... Картофельный комбайн! Пять лет работал. Эти, как их, академики... Им пришлешь, а они - отказ. А сами какую хреновую ручку добавят - и как свое! Но я им показал, я сразу к самому ... Тот как услышал, так сразу записочку. Ну, сразу забегали, машину, самолет, патент: ну, знаешь, справочку, что я - первый. Картофельный комбайн - тебе не фунт изюма!

- Вранье.

Улыбка заглянула вниз и увидала старичка. Он сидел на своем месте по-турецки и злобно тарачился на управдома.

- Вранье, милейший. Чистой воды вранье.

- То есть, как вранье? - оправдом оскорбленно нахохлился. - Перед вами изобретатель картофельного комбайна!

Старичок презрительно хмыкнул.

- Что скалишься?! - угрожающе привстал оправдом.

- А то, милейший! Дело в том, что картофельного комбайна не может быть. Наукой доказано, что он невозможен, неосуществим, так сказать. Это - миф, формализм, абстракционизм, понятно? Происки иностранных империалистов, опиум для народа, отвлечение от насущных задач. Понятно?

Оправдом крикнул, но старичок не спускал с него глаз. Всю остальную часть пути он рассказывал о ленивцах. Когда же приехали, он вручил Улыбке карточку.

- Вот, сказал он, - придешь по этому адресу, я буду ждать тебя.

"Феликс Крот, гипнотизер", - было написано на карточке.

Оставленный без внимания оправдом снова ожил и теперь все крутился вокруг. Он выхватил из Улыбкиных рук карточку, долго, недоверчиво разглядывал ее.

"Измаил Бакалейко, изобретатель", - написал он с другой стороны.

И, подумав, приписал адрес.

За экзаменационным столом сидела тетка и недоброжелательно смотрела на Улыбку. Подходя к столу, она улыбнулась. Теткины губы собрались в принципиальную гармошку, а лицо стало таким, что Улыбка сразу поняла, что экзамена ей не сдать.

- Берите билет, - сухо сказала тетка.

Улыбка взяла билет и пошла к столам.

- Сядьте передо мной, - остановил ее дребезжащий голос.

"И почему я ей так не понравилась?" - удивленно думала Улыбка.

Справа, у окна, ерзала на месте какая-то рыжая девчонка. Когда их взгляды встретились, девчонка ободряюще подмигнула ей.

- И не надейтесь на подсказку, - холодно заметила тетка.

- Я не надеюсь, - ответила Улыбка.

Девчонка у окна подозрительно завозилась, тетка вскочила и помчалась к ней. Улыбка вздохнула.

За окном была голая потрескавшаяся стена, одна третиная была похожа на чайник.

- Ваше время истекло, - над ней стояла тетка и с ухмылочкой смотрела на чистый лист бумаги. - Будете отвечать?

- Нет, - испугалась Улыбка, - я еще не подумала.

- Было бы чем...

Рыжая девчонка вдруг вскочила и, громыхая стульями, понеслась по комнате. Она выхватила из теткинских рук Улыбкин билет и, сложив его со своим, разорвала на мелкие клочки.

- А вы... - она подлетела к тетке. - Вы - сухарик, маленький черствый сухарик!

Она схватила Улыбку за руку и, таща ее за собой, выскочила из комнаты, пронеслась по коридору, скатилась по лестнице, выскочила на улицу, пересекла ее, ворвалась в парадное напротив, не сбавляя темпа, взлетела на последний этаж и там уселась с ногами на подоконник.

- Вырвались! - она радостно засмеялась. - А теперь покурим. - Она достала из сумки сигареты. - Меня зовут Катя. Всегда курю на последнем этаже: вид лучше и воздуху больше. Мы живем в подвале, так там я ни одной затяжки сделать не могу - сразу задыхаюсь.

Помолчали.

- Придется выходить замуж, - девчонка вздохнула. - Так и загадала: не поступлю - сразу замуж. Мамка пилит, батька денег не шлет. Да и вообще тошно. Вот выйду замуж, куплю мамке шубу, она всю жизнь мечтает шубу иметь. А он-то - богатый, китобоец, жениться приехал. У тебя есть пудра? Дай.

Она попудрила нос.

- А теперь идем!

- Куда?

- Как куда? Жениться! Там у него приятелей полно. Пошли, пошли, там разберемся.

Они вышли на улицу, пришли к новому голубому дому. Девчонка окинула Улыбку критическим взглядом.

- Все в порядке, - сказала она. - Держись поскромнее, побольше стесняйся. Мужчины это любят. Если ты хорошенькая, ты должна как можно больше стесняться, а то не поверят. А теперь молчи, мне надо сосредоточиться.

Китобоев было много, китобои пили пиво.

- Петя, - сказал один.

- Вася, - сказал другой.

- Николаев, - пошутил третий.

Все захохотали.

- Мой жених, - девчонка указала на четвертого.

- Присаживайтесь, - сказал жених и дал им по стакану.

- Пиво здесь наливают сами, - сказал он и указал на бочку, которая стояла в углу комнаты. - Закуски еще нет, ждем с минуты на минуту.

Китобои сидели вокруг стола, разложив на столе свои большие загорелые руки.

Девчонка, Улыбка и жених сели вокруг табуретки. На табуретку поставили пиво. Девчонка выпила подряд три стакана. Весело посмотрела на жениха.

- Ты знаешь, я согласна, - тихонько сказала она.

Жених покраснел.

- А то, может, передумаешь? - усмехнулась она.

Жених нахмурился. Девчонка выпила еще пару стаканов и вдруг расхохоталась.

- Помнишь, как мы впервые целовались?

- Помню.

- А что ж тогда не женился? Думал, лучше найдешь?

Жених покраснел.

- Угадала, угадала! - заливалась девчонка. - А то, может, еще поищешь? Возьмем хотя бы ее, - девчонка кивнула на Улыбку. - Чем не пара? Красивая, работающая, из деревни. Разведете детей, и можешь спокойно бить своих китов. Хоть вообще не приезжай, ничего не произойдет, все будут ждать тебя. А со мной так легко не уедешь, - девчонка выпила еще три стакана.

Но тут дверь широко распахнулась. Впереди были ящики с апельсинами, поверх них болтались во все стороны бублики, все это рухнуло на пол и появился очень красивый человек.

- Боцман, - китобои повскакали с мест и дружно загалдели.

- Там, внизу, машина, - сказал боцман, - берите ее на бордаж. Там еще тридцать банок сгущенки, десять килограммов мармелада, двадцать пачек печенья и двадцать пять бутылок минеральной воды "Полюстрово".

Среди китобоев прошел ропот.

- Ты что, боцман, спятил? - грозно сказал один китобой. - Тебя посылают за закуской к пиву, а ты - бублики, апельсины, не говоря уж о сгущенке, которую мы и видеть не можем.

Боцман захохотал.

- Грузите продовольствие! - что есть мочи гаркнул он. - Объясняться будем потом.

Китобои повскакали и поспешной вереницей побежали к дверям. Появились ящики со сгущенкой, коробки мармелада.

- Нет, вы только послушайте! - сказал боцман, когда все утряслось. - Подхожу это я к буфету...

Китобои хохотали.

- Вот это боцман! Ай да боцман!

Только один китобой не смеялся, он хмуро глядел на боцмана и что-то тихонько бубнил.

- Ну что, Василек, - обратился к нему боцман, - завидки берут?

Василек мрачно сопел.

- Бедняжка, - протянул боцман и, уже обращаясь к девчонке: - Этому несчастенькому 10 тысяч никак не потратить. Отпуск кончается - а он только пару тыщ и потратил...

Девчонка испуганно ахнула. Китобои хохотали. Василек мрачно сопел.

- Ты бы, Василек, на курорт съездил, - сказал один китобой.
- А что мне море! - сказал Василек.
- Ты бы, Василек, машину купил!
- А кто мне ее продаст?
- Ты бы, Василек, женился. Жене бы твои денежки пригодились.
- Шляхи все, - мрачно отрезал Василек.
- И я шляха?! - девчонка подскочила к Васильку.
- Первая, - молвил Василек.

Девчонка захохотала.

- А вот этот болван женится на мне! - крикнула она.

Жених покраснел и, ни на кого не глядя, вышел из комнаты. Китобои хохотали. Девчонка под села к Улыбке.

- Нравится тебе мой жених? - посмеиваясь, сказала она.

- Нравится, - сказала Улыбка.

- Тебе жаль его?

- Жаль.

- Вот и курица, настоящая курица! Так бери, если нравится и жаль.

А у меня такого добра хватит.

Улыбка молчала.

- Так иди, утешь, приласкай. Вы, курицы, это умеете. Иди же, иди!

- и она вытолкала Улыбку за дверь.

Жених сидел в пустой комнате на подоконнике и курил. Улыбка подошла и встала рядом.

- Она послала? - не оборачиваясь, спросил он.

Улыбка промолчала. Жених повернулся и обнял ее. Потом он слез с подоконника и закрыл дверь на крючок.

Посреди ночи в дверь вдруг стали ломиться.

- Откройте же, откройте! - кричала девчонка. - Будет поздно, откройте!

Китобои хохотали.

- Черта с два, - хмуро проворчал жених.

Потом все затихло. Улыбка вышла из комнаты. Жених еще спал. На полу под дверью сидела девчонка.

- Садись, - тихонько сказала она.

Улыбка села рядом.

- Пей, - девчонка указала на стакан.

Улыбка выпила. Девчонка взяла стакан, руки ее дрожали, поднесла к губам, зубы звякали о стекло. Девчонка закашлялась, потом закрыла глаза и тихонько засмеялась.

- Он мне говорит: слишком много предрассудков, любить надо свободно. А я хочу замуж, говорю. Далась мне эта свободная любовь. Ремарка, спрашивает, читала? Ну, читала. Вот там любовь, говорит, никаких

А я ему: нет, говорю, у него все чахоточные. Им что, переспала и умерла, а я женщина здоровая, я от этого родить могу.

Девчонка закашлялась.

- А знаешь, - усмехнулась она, - я-то отравилась...

Улыбка вскочила.

- Постой, - остановила ее девчонка. - Не думай, что из-за тебя. Я так. Сил не стало, надоело, устала. Поражение, каждый шаг... По-раже-ни-е, - выговорила она по слогам и, прислонившись к стене, закрыла глаза. Улыбка стояла над ней. В руках у нее почему-то оказалась бутылка "Полюстрово". Она налила воду в стакан, стекло покрылось серебряными пузырьками. А девчонка открыла глаза, тоскливо посмотрела вокруг, усмехнулась.

- Да я не умру, - сказала она, - я слабительное приняла. А ты иди.

Улыбка вышла на улицу. Что-то сонно гудело, было тепло. Глядя под ноги, она стала подниматься. Дорогу ей преградила заколоченная досками дверь. Она постояла перед ней, постояла, потом закрыла глаза.

- Спать, - пробормотала она, - спать... - и тяжело опустилась на ступени.

Управдом ждал под аркой. Он зябко поживился на сквозняке, подпрыгивая, озирался и был похож на замерзшего кузнечика. Он поманил ее рукой, она перешагнула полосу света и тени, вошла под арку.

- Ну, что хочешь? - заговорил управдом.

Улыбка рассказала. Управдом засуетился, задвигался, закрутил головой, зарылся в карманах.

- Это можно устроить, можно устроить, - скороговоркой приговаривал он. - А дворником не хош?

- Хочу, - сказала она.

- Вот и хорошо, вот и хорошо, - говорил управдом. - Засиделся тут один, пора бы на отдых, на отдых. - И он поскакал к телефонной будке. Улыбка пошла за ним, но он замахал руками, и она остановилась. Он с кем-то долго разговаривал, потом выскочил из будки и, махнув ей рукой, исчез под аркой. Улыбка пошла сзади, но его и след простыл.

Она стояла под аркой и растерянно озиралась. Тут под арку въехала зеленая крытая машина. Улыбка посторонилась. Машина остановилась. Из нее повysкакивали какие-то одинаковые люди; они размяли ноги и стали громко стучать в совсем маленькую дверцу. Улыбка подумала, что это - дверца в кладовую или подвал, но та вдруг тихо открылась, и на пороге появился небольшой благообразный человек.

- Вы здесь коллекционируете люстры? - спросил один из приехавших. Человек болезненно перекопсил.

- Ай... - вздохнул он. - Что вы понимаете в люстрах?

- Ну, это мы потом разберемся, - строго сказал один из приехавших.

Человек моментально сник, растерянно и услужливо засуетился.

- Милости просим, - приговаривал он, - добро пожаловать, милости просим.

Люди не отвечали, они молча проходили внутрь и выносили необыкновенно красивые предметы. Тут были и ковры, и картины, и вазы, но больше всего было люстр. Среди люстр было несколько неодетых металлических женщин, с крыльями и без крыльев. Люстры переливались разноцветными огоньками и тихонько позвякивали.

Человечек суетился вокруг:

- Только не разбейте, - умолял он. - Будьте поосторожнее, только не разбейте.

Пока все это грузили, Улыбка стояла рядом. Пробегая мимо, человечек украдкой посматривал на нее. Один раз, когда людей близко не было, он сунул ей в руки маленький прямоугольный предмет. Она хотела возразить, но он вдруг с неожиданной силой выпихнул ее из-под арки.

- Бери, бери! - быстро проговорил он. - Пригодится.

Уже издали она видела, как человечка посадили в машину. Машина фыркнула и исчезла. И сразу же, как из-под земли возник управдом.

- Все в порядке, - потирая руки, сказал он. - Тут и жить будешь, - и он указал на ту самую дверцу.

За дверцей оказалось несколько ступенек, а потом сразу комната. Тут был беспорядок, валялось несколько табуреток и очень много рваной бумаги. Весь потолок был усеян большими черными крюками, на которых болтались обрывки веревок. На подоконнике стоял фотоувеличитель. Управдом сокрушенно рассматривал потолок.

- Тут и повеситься можно, - пошутил он.

- Это ничего, - сказала Улыбка, - я вешаться не буду.

Предмет, который человечек сунул ей в руку, оказался маленьким фотоаппаратом. Несколько дней Улыбка со страхом думала о нем, наконец, рассказала все управдому. Тот подумал, подумал, и махнул рукой.

- Оставь себе, - сказал он, - будем считать, что я тебе его подарил.

- Большое спасибо, - сказала она.

С тех пор, придя с дежурства, Улыбка доставала аппарат и осторожно рассматривала его. Она заглядывала в окошечко и все предметы делались строже и отчетливее. Она нажимала кнопку, и аппарат щелкал. Она откручивала объектив и заглядывала внутрь. Если нажать кнопку, то черная ширмочка внутри аппарата мгновенно отдергивалась и так же мгновенно возвращалась на место. Улыбка долго нажимала, ей все хотелось рассмотреть, что же там, за ширмочкой.

Однажды, после ночного дежурства, она вынесла аппарат во двор. Пасмурный и сонный, проходил мальчик с портфелем. Улыбка заглянула в

глазок, мальчик остановился и стал смотреть в объектив. Она нажала кнопку, аппарат щелкнул, мальчик зевнул и побрел своей дорогой. Подошел пьяный с цветочком. Увидав наведенный на него аппарат, пьяный мечтательно улыбнулся, понюхал цветочек и тут же упал замертво. Улыбка нажала кнопку, аппарат щелкнул. Срывая с головы бигуди, из парадной вылетела девушка.

- Только не в бигудях, только не в бигудях! - взвизгнула она и, сорвав последние бигуди, готовно улыбнулась.

Пробежала собака, прошел милиционер, проехала машина. Подошел похожий на кенгуру человек, Улыбка навела аппарат. Человек нагнул голову и, сделав из пальцев рога, замычал. Она засмеялась, человек подпрыгнул.

- Вот это улыбка! - заорал он.

Она вздрогнула. Она сразу поняла, что он - из кино.

- Меня так зовут, - медленно произнесла она.

- Я не спрашиваю, как вас зовут, - сказал кенгуру. - Сейчас вы пойдете со мной.

- Да, - сказала она, - я пойду с вами.

У проходной какого-то здания кенгуру остановился, окинул ее критическим взглядом.

- Улыбайтесь! - приказал он.

Она улыбнулась. Кенгуру помрачнел.

- Бедный ребенок, - вздохнул он. - Улыбаться будешь только по моему знаку. Это не то место, где можно улыбаться направо и налево.

- Хорошо, - сказала она.

Они прошли проходную, миновали двор, вошли в ворота и очутились в полутемном, широком и высоком коридоре. Вдоль серых стен стояли скамейки, на которых сидели и курили плечистые негры в травяных юбочках. Негры проводили их блестящими глазами.

Они поднялись по лестнице. Кенгуру открыл одну из многочисленных дверей, и они очутились в комнате со множеством зеркал.

- Прошу внимания! - громко сказал кенгуру.

Люди, сидевшие в кружок, перестали говорить и уставились на них.

- Улыбнись! - приказал кенгуру.

Она улыбнулась. Люди повскакали с мест, замахали руками, загалдели.

- Поглазели и хватит, - сказал кенгуру.

Он взял ее за руку и вышел из комнаты. Прошли коридором. Вошли в ярко освещенную комнату. Тут было множество фотоаппаратов, по стенам висели снимки известных актеров. Кенгуру рявкнул что-то неразборчивое, и на них сверху свалился маленький шустрый парнишка.

- Коля, - сказал кенгуру, - сделай пробу.

Паренек озабоченно прищурился, посадил Улыбку на табурет, что-то

прикинул, развернул, поправил лампы, отошел в сторону.

- Так держать, - важно сказал он, - не шевелись.

Улыбка напряженно вытянулась.

- Улыбайся, - приказал кенгуру.

Она улыбнулась. Коля споткнулся, ахнул, стремительно бросился к аппарату.

- Минуточку! - закричал он. - Всего минуточку, только минуточку.

Аппарат щелкнул.

- Улыбайся!

Щелк.

- Улыбайся!

Щелк.

Прошло много времени. Коля крутился волчком. Уже болели скулы.

- Хватит, - сказал кенгуру, - хватит, ишь, заело...

- Ну еще, ну парочку! - взмолился Коля.

- Хватит, хватит...

Прошли светлый коридор, спустились по лестнице в коридор темный. Негров уже не было. "Павильон № 6" - было написано на огромных дверях. За дверьми - высокое, холодное и темное помещение. Улыбка заметила очень много потушенных прожекторов. Справа был искусственный лесок, закат и костер. Слева - целый лес фанерных щитов.

- Жди здесь.

Кенгуру вышел. Было тихо, темно и холодно. За щитами кто-то громко зевнул. Улыбка пошла туда. На скамеечке сидела белокурая красавица и штопала чулок. Она подняла на Улыбку красивые сонные глаза и сладко зевнула.

- Присаживайся, - красавица подвинулась.

Улыбка присела.

- Ну, рассказывай.

- Что? - не поняла Улыбка.

- Что, откуда, почему... - сказала красавица.

- Ничего, - сказала Улыбка.

- А... - сказала красавица.

Молчали. Прошло не меньше часа.

- Обо мне, наверное, забыли, - сказала Улыбка.

- Вот и хорошо, - сказала красавица, - хорошо, когда о тебе забывают.

- А мне на дежурство.

- Работаете?

- Ага.

- Кем?

- Дворником.

- Ого? - красавица отложила чулок. - И как, нравится?

- Нравится.
- А как сюда-то попала?
- Я улыбаться умею.
- А ну-ка, покажи.

Улыбка показала.

- Ого!- с уважением сказала красавица. - С такой-то улыбкой...

Она достала колоду карт. Раздала. Прошло не меньше часа. Красавица посмотрела на часы.

- Восьмичасовой рабочий день окончен, - заявила она.

- А кем вы работаете? - спросила Улыбка.

- О-о... - сказала красавица, - я слежу за тишиной. Не правда ли, интересная профессия?

- Правда, - сказала Улыбка, - интересная.

Красавица усмехнулась и вышла.

Было тихо, холодно и темно. Обхватив колени руками, Улыбка задремала. Когда она открыла глаза, над ней стоял кенгуру. Он смотрел на нее сверху вниз и грустно улыбался. Она подняла голову. Кенгуру вздрогнул и отвернулся.

- А теперь поедем ко мне, - глухо сказал он. - И не смотри на меня так, я тут ни при чем. Так будет лучше.

- Я не смотрю, - сказала она.

В кладовке под лестницей она нашла несколько проявленных фотопленок. Если рассматривать их на свет, то можно было разобрать очертания каких-то людей и предметов. Улыбка долго рассматривала их на свет. Когда управдом заметил это, он научил ее пользоваться увеличителем. Вечерами, в свободное от дежурств время, она включала увеличитель...

Вставила пленку, подложила чистый лист бумаги, потушила свет, подвинула кадр. На белом листе бумаги появились две черные руки. Они тихо лежали одна на другой, и длинные пальцы их были унизаны кольцами.

Управдом лежал на кровати и возбужденно рассказывал о том, как он встретил старого фронтового приятеля, бывшего однополчанина, танкиста.

- И, представь себе, этот приятель тоже изобрел картофельный комбайн, только его комбайн никуда не годится, потому что приятель не учел всех камней, которые неизбежно встречаются на наших полях.

На следующих кадрах были все те же руки. Они меняли положение, но оставались все такими же тихими и невозмутимыми.

- Ничто есть определенное нечто... - важно говорил управдом, но окончить ему опять не удалось. Дверь вдруг с треском отлетела, и в комнату, размахивая чем-то металлическим и блестящим, ворвалась какая-то женщина. В слабом свете Улыбка заметила, как заколыхались веревки, какая-то тень метнулась под стол, стол побежал по комнате, потом встал на дыбы и опрокинулся прямо на нее. Она упала со стула, увеличитель

погас. Посыпались предметы, кто-то зловеще захохотал, раздался душе-раздирающий вой, что-то проволокли по полу, хлопнула дверь, и все стихло.

Она поднялась с пола, ощупью нашла увеличитель, включила его. Лампочка не разбилась; она сменила кадр. На белом листе бумаги возникло очертание чего-то большого и серого. Это был слон.

- Слон, - прошептала она.

Раздался стук в дверь. Женщина с непроницаемым лицом вручила ей повестку, вызывающую ее на товарищеский суд.

В следующем кадре был просто человек с портфелем.

В перерывах она спала за щитами. Однажды, пока она спала, щиты унесли. Она проснулась и увидела Его. Он стоял совсем близко и разговаривал с какой-то женщиной.

- От вас опять несет коньяком, - строго говорила женщина.

- В контракте не сказано, что от меня должно пахнуть фиалками, - отвечал он.

- Пойдите, проспитеесь, - сказала женщина.

Он покачнулся и, пошатываясь, направился к дверям. Она встала и на цыпочках пошла следом.

- Никуда не уходите, - сказал Кенгуру, - через десять минут начинаем.

Она не обернулась. Она уже ничего не видела и не слышала вокруг. В коридоре Он вдруг оглянулся и в упор посмотрел на нее. И, как тогда, в лесу, ей захотелось упасть и закрыть голову руками. Но Он уже шел дальше. Преодолевая страх, она кралась за ним. На улице Он перестал шататься, движения его стали быстрыми и озабоченными. Он деловито пересек улицу и почти бегом приблизился к пивному ларьку. Улыбка следила из-за угла. Он выпил залпом три кружки пива, постоял, мечтательно глядя куда-то вверх, выкурил папиросу и медленно побрел вдоль по улице. Улыбка кралась сзади.

В маленьком уличном скверике он сел на скамейку и долго сидел, рассматривая собственные ботинки. Улыбка терпеливо ждала. Когда же он встал со скамейки, движения его опять стали собранными и целенаправленными. Он деловито перешел улицу и свернул в какой-то маленький переулок. Улыбка еле успела добежать до угла, чтобы увидеть, как Он юркнул в подвал одного дома. "Пиво-воды" было написано над подвалом. Она заглянула. Там было дымно и много пьяных мужчин. Ждала она довольно долго. Наконец, он вышел и, пошатываясь, направился обратно, по направлению к центральной улице. Улыбка кралась сзади.

Так прошел вечер. Он заходил почти во все пивные, останавливался почти у всех ларьков. Наконец, одна пивная оказалась закрытой. Он грубо выругался, петляя побегал вдоль по улице. Но другая пивная тоже

была закрыта. И третья, и четвертая. Он попробовал ворваться в какой-то большой ресторан, но его грубо оттолкнули и пообещали вызвать милицию. И тогда Он весь обмяк и, прислонившись к стене дома, стал медленно сползать на землю. Улыбка испугалась, что вот Он сейчас упадет... Но тут подошел дворник, взял его за шкурку и сильно потрянул. Он вырвался и, болтаясь из стороны в сторону, побежал посреди улицы. Уже погасили фонари, когда они добрались до гостиницы. Швейцар открыл дверь. Он прошел мимо швейцара и, шатаясь, стал рыться в карманах.

- Она-то с вами? - с улыбочкой спросил швейцар.

- Кто?

Швейцар кивнул.

- А, это моя секретарша, - заикаясь, пробормотал он.

Швейцар хмыкнул и пропустил ее в гостиницу. Они поднялись на лифте, прошли длинный коридор. Он долго громыхал ключами. Наконец, дверь открылась, да так неожиданно, что Он в полный рост растянулся на ковре. Полежав несколько минут неподвижно, Он поднял ногу и пинком захлопнул дверь. За дверью долго что-то громыхало. Скрипнула кровать, и все стихло. Она приоткрыла дверь и бочком пробралась в комнату. Он лежал, закинув ноги на спинку кровати.

- А, явилась?.. - пробормотал он. - И куда это вы давеча подевались?

Улыбка молчала.

- Вы какая-то не такая, я какой-то не такой, - пропел он. - Все мы какие-то не такие, - прибавил он, подумав. - Да что это, в самом деле! - он приподнялся на локте, но потерял равновесие и упал лицом в подушку.

- Что ты об этом думаешь? Что ты думаешь обо всем этом? Подойди, скажи!

Улыбка подошла.

- "У капель тяжесть запонок, и сад слепит как плес, обрызганный, закапанный мильоном синих слез..." - сказала она.

- Ай-яй-яй! - пробормотал он. - Начинается. - Он приподнял голову и обвел комнату мутным взглядом. - Есть тут кто?

- Есть.

- Ты что-нибудь говорила?

- Да, я прочла стихи.

- Ты тоже?

- Что?

- Напилась?

- Нет.

- Тогда что?

- Я прочла стихи, которые вы однажды читали в лесу.

- Я? Стихи? В лесу? Да я и в лесу-то ни разу не был.

- Были.

- Спятила?

- Прочтите мне стихи.

- Стихи? Какие такие стихи? "Эники-беники, си колеса, эники-беники ба!" Дальше забыл... Ах да! "Вышла буква А!" Все. А теперь - ложись! - и Он повернулся лицом к стене.

Через минуту Он уже храпел. Улыбка подошла, заглянула через плечо. Это был Он.

- Проснитесь, - попросила она.

Он не отвечал. Она всхлинула и стала всхлипать все громче и громче.

- Ты плачешь? - не оборачиваясь, спросил Он.

Она не смогла ответить.

- Всегда-то ты плачешь, - сказал Он. - Ну, женюсь! Обещал, значит, женюсь. Получу развод и сразу женюсь. А теперь ложись.

- А стихи? - сквозь слезы выдавила она.

- О-о-о! - простонал он. - Да не знаю я никаких стихов. Отвяжись ты от меня, - и он спрятал голову под подушку.

Она плакала навзрыд.

- А, вспомнил! - подушка отлетела. - Знаю еще один, это - последний. Вот тебе крест, не знаю больше ни одного. "Плюшевые мишки, зайцы, погремушки - дарят детям с елки детские игрушки. Желтые иголки на пол опадают, все я жду, что с елки мне тебя подарят". Ну, чем не стихи? Самые настоящие стихи. Ай да я! А теперь ложись. Завтра натура, опять не выспимся. Да не реви ты так громко. Ну, можешь чуть потише? Вот так можешь продолжать. Спокойной ночи.

Когда она проснулась, он стоял над ней и озадаченно грыз ноготь. Она села на кровати, он поспешно отошел к окну.

- Голова тяжелая, - пробормотал он и опасливо покосился на Улыбку. - Хочешь молока? Первое средство - горячее молоко с сахаром.

Он подошел к телефону, набрал номер.

- Принесите, пожалуйста, горячего молока. Двадцать три. С сахаром, пожалуйста.

- Ну, а теперь рассказывай, - он присел на кровать.

Улыбка молчала. Ей вдруг страшно захотелось спать, в глаза словно насыпали песку, и не было сил открыть их. Она уткнулась лицом в подушку.

- Э-э-э... - сказал он, - ты это постой. Сначала скажи, кто ты такая.

- Я - Улыбка, - сказала она.

- Что такое?

- Меня так зовут.

Он озадаченно хмыкнул.

- Ну, допустим, - сказал он. - Допустим, что тебя так зовут. Но как ты, Улыбка, попала ко мне в постель?

- Так, - сказала она.

- Гм, - сказал Он.

Принесли молоко. Она выпила два стакана, и спать захотелось еще сильнее. В голове что-то гудело, и глаза сами собой закрывались.

- Нет, ты не спи, - Он тряс ее за плечо. - Помнится, ты что-то говорила про стихи. Ты поэтесса?

- Что?

- Ты пишешь стихи?

- Нет. Я работаю дворником.

- Гм, но ты читала какие-то стихи?

- Это вы читали.

- Я?

- Да, вы эти стихи читали однажды в лесу.

- Ты уверена, что это был я?

- Да.

- Ну, тогда рассказывай.

Она стала рассказывать. Он слушал сначала с недоверием, потом с удивлением, наконец, лицо его неопределенно и как бы мечтательно расплылось.

- Вспоминаю... - приговаривал он, - будто что-то было, будто во сне... Коза, голубой автобус, прекрасные принцы. Невеста... Я обещал ждать тебя. Ну, ты видишь, я не выполнил обещания.

- Да, - сказала она, - я вижу.

- И что же ты думаешь делать?

- Спать.

- Подожди, подожди минутку. Да не спи же ты! - Он взволнованно заходил по комнате. - Но каков был! - воскликнул Он. - Ходить по лесу, читать стихи! Было же это во мне, было, было! Нет, мы еще покажем, мы еще повоюем! Может быть, я ждал тебя? Может быть, кто-то позаботился обо мне, может быть, мне бросить пить? Как ты думаешь, бросить мне пить?

- А стихи?

Он долго не отвечал, и лицо его постепенно утратило взволнованность. Устало облокотившись на стол, Он растерянно смотрел на Улыбку. Потом закрыл лицо руками и громко захохотал.

- Стихи, конечно же, стихи! Как можно больше стихов! Вставать в восемь, ложиться в девять, делать зарядку, вести дневник, изучать языки, азбуку морзе, китайскую тайнопись, исправить почерк... Довольна?

Улыбка закрыла глаза.

- Мало? Тебе всего будет мало. Извините. Не гожусь. Не тот. Ошиблись выбором. Ешьте больше мороженого, пишите письма...

Он взмахнул шляпой и вышел. Улыбка посмотрела ему вслед, зевнула, потом закрыла глаза и, свернувшись в клубок, сладко заснула.

Когда Улыбка вошла, большая комната красного уголка была уже полна народу. Почти сплошь это были женщины. При ее появлении они притихли и теперь рассматривали ее. Справа от дверей был длинный зеленый стол, за которым сидело несколько особо торжественных женщин и милиционер. Женщина, сидевшая напротив графина и колокольчика, встала и сделала принципиальное лицо.

- Подсудимая, займите свое место, - строго сказала она.

Улыбка посмотрела вокруг и, не найдя никакого такого места, осталась стоять. Женщина с принципиальным лицом посмотрела куда-то вправо под бюст Энгельса.

- Граждане! - возмущенно сказала она. - Кто взял стул?

Зал молчал.

- Граждане, - терпеливо продолжала женщина, - этот стул наша уважаемая Элеонора Филипповна специально принесла из дому!

Элеонора Филипповна, седая благообразная старушка, взволнованно поправила серую кружевную шаль и с достоинством посмотрела в зал.

Зал молчал.

- Граждане! - все больше распаяясь, продолжала женщина. - Если стул не будет возвращен, я вынуждена буду закрыть собрание...

В задних рядах поднялась какая-то возня, и над головами собравшихся появилось мягкое, с позолоченными ножками кресло. Кресло поставили под бюст Энгельса. Улыбка села. Слева от нее, от угла и вдоль всей стены висели какие-то плакаты. Женщина с принципиальным лицом прозвенела колокольчиком, зал притих.

- В мире есть только две морали, - торжественно сказала она, - буржуазная и коммунистическая. - Она сделала паузу, милиционер зааплодировал, зал подхватил аплодисменты.

Женщина полистала бумаги, отпила глоток воды.

- Мы, женщины, - продолжала она, - дали миру много героических дочерей. Вспомним Зою Космодемьянскую...

Она гневно зыркнула на Улыбку.

- Вспомнила, - сказала Улыбка.

В задних рядах раздался какой-то шум.

- Да что я такого сделала, да что я такого сделала! - обиженно выкрикивал женский голос.

- Прошу тишины! - сказала председатель. - Вспомним Ульяну Громову. Александр Матросов своей грудью прикрыл амбразуру вражеского миномета. Он был совсем еще юн, и если бы ему предложили написать свою биографию...

- Да что я такого сделала!

Женщина схватилась за колокольчик.

- Граждане! Призываю к порядку! - сказал милиционер.

Женщина с принципиальным лицом отпила из стакана.

- И вот, в дни, когда героическая дочь нашего народа, Валентина Терешкова, впервые в истории человечества взлетела в космическое пространство, в эти самые дни в стенах нашего дома происходят возмутительные нарушения нашей, единственной в мире, советской, социалистической морали.

Зал заплодировал. Потом наступила тишина, все молчали. Молчание затягивалось.

- Не вижу пострадавшего, - скромно заметила Элеонора Филипповна.

Ей никто не ответил.

- А кто виноват, кто виноват?! - к зеленому столу выскочила чистенькая, аккуратная бабенка. - Я, проживающая в этом доме двенадцать лет, хочу заявить: сами виноваты, сами! Идет такая фифа, на башке - пакля нерасчесанная, вот-вот воши выползут, перекрашенная вся... Узенькие порточки, курточка вся в разрезах. Как увижу такую кикимору, иду сзади и плююсь! Или еще: разгуливают в обнимочку...

Голос с места:

- Правильно, сечь их надо, драть, выселять!..

Женщина с принципиальным лицом:

- Тише, граждане, тише... Все вы правы. Сейчас я вам отвечу... - она лихорадочно листала какие-то бумаги. - Вот. Сейчас я вам отвечу... Мы, советские люди, строим светлое и радостное будущее, и наши люди должны выглядеть так же красиво, как их дела. У нас свобода, но свобода для здоровых людей, а для тунеядцев, распущенности и хулиганства у нас свободы нет и не будет! А откуда все? Вы спросите меня - откуда все это? Я отвечу: от, так называемой, западной культуры, музыки, моды! Пора прекратить эти безобразия, пора призвать на помощь дружинников и милицию, пора показать этим господам...

Зал одобрительно гудел.

- Я не вижу пострадавшего... - скромно повторила Элеонора Филипповна.

- Вот, и наша подсудимая... - запальчиво продолжала женщина с принципиальным лицом. - Посмотрите на нее!..

Зал с готовностью посмотрел, но, к разочарованию, не обнаружил ни брюк, ни особой прически. Прислонившись головой к бюсту Энгельса, Улыбка спала.

- Войдите.

Улыбка вошла. В комнате был полумрак. Когда глаза привыкли, она увидела гипнотизера. Он лежала на ковре, на полу. Перед ним стояла маленькая настольная лампа. От лампы на ковер падал ровный кружок

света. В кружке лежали какие-то монеты.

- Пришла... - сказал гипнотизер. - Я знал, что ты придешь, но не думал, что так скоро. Садись. - Он указал на ковер, рядом с собой. - Видишь монету? - он сунул ей под нос ржавый кружок. - Представь, она фальшивая.

- Надо же... - сказала Улыбка.

- Нет, ты послушай... Они думали меня надуть, это меня-то! Молокососы! И долго что-то, как говорится, клеивали. А я молчу. Они посоветовались и немного сбросили. А я все молчу. Ну, еще сбросили. Словом, купил за бесценок. И эти олухи еще радовались, что меня надули.

- Но она же фальшивая, - сказала Улыбка.

- Ничего ты не понимаешь! - гипнотизер даже подпрыгнул от удовольствия. - В том-то и дело, что монета ценна и как фальшивая. В 18 веке в Германии стали находить много кладов. Нумизматика стала модной, монет стало не хватать, их начали подделывать. Эти подделки бывают очень редкими. Да ты спишь совсем...

- Ничего, - пробормотала она.

- Нет, ты спишь. И давно это с тобой?

- Что?

- Засыпаешь, как говорится, на ходу?

- Не очень...

- Этого я и боялся, - гипнотизер вздохнул. - Ну, что же, ложись, - он указал на тахту.

Она легла.

- Ах, забыл совсем, у меня для тебя кое-что приготовлено! - Он вскочил с ковра, погасил свет.

Она слышала, как он пересек комнату, что-то щелкнуло, и в комнате пошел... снег. Под потолком крутился блестящий фонарь, и от него по комнате носились белые хлопья.

- Сам придумал, - гипнотизер радостно потирал руки. - Так и знал, что тебе понравится.

Улыбка смотрела на фонарь. Ей казалось, что комната летит и кружится, и проваливается куда-то.

- А я выхожу замуж, - сказала она.

- Замуж? - гипнотизер озадаченно хмыкнул. - Ну, что ж, будем надеяться, что это тебе не повредит.

- И за кого же? - через некоторое время спросил он.

- За массая.

Гипнотизер досадливо поморщился.

- Что-то рыбное? - поинтересовался он.

- Вообще-то он нигерец, - сказала она, - но происходит из массаев.

- Надо же!

- Вообще-то он не совсем негр, - продолжала она, - бабушка у него

была русская.

- Бывает, - сказал гипнотизер, - а дедушка?

- Дедушка - массаж, отец - нигерец, мать - вроде бы массажка.

- Прекрасная родословная, - сказал гипнотизер. - А чем он занимается?

- Прыгает в высоту.

- Прыгун, значит? В высоту. А в длину он не прыгает?

- Нет.

- Что же он такой узкопрофильный?

но улыбка уже спала.

Вечерами приходил массаж. Он приходил без переводчика и потому все время кивал и улыбался. Они кивали и улыбались ему в ответ. Он приносил на подпись какие-то бумаги. Поулыбавшись полчаса, массаж убежал, а гипнотизер ложился на ковер и просил вызвать скорую помощь, потому что у него выскочила челюсть... Улыбка же сворачивалась в клубок и засыпала.

Однажды, когда она проснулась, в комнате был агроном. Гипнотизер лежал на ковре и читал газету, агроном бегал вокруг него и что-то возбужденно говорил.

- Разбудите ее, добром прошу, разбудите!

- Спит и пусть себе спит, - отвечал гипнотизер. - Тебе нужно, сам ее и буди!

- Я разбужу, я сейчас всех разбужу!

- Ну, буди, буди, чего же ты не будишь? - ворчал гипнотизер.

- Не могу, - сдался агроном. Сами знаете, что не могу. Ваша работа...

- Я тут ни при чем, - сказал гипнотизер, - так и было.

- Но вы же можете, можете! Что вам стоит?

- Не могу, - прервал гипнотизер. - Уедет она или останется - ее больше не разбудить. Редкий случай. Да ты не поймешь. Отстань! И не впе ли равно, где спать?

- Это вам все равно! - взвился агроном. - А я требую объяснений!

- Ну и дурак, ишь разошелся, все равно не поймешь. Ну, да черт с тобой! Автогипноз - частичный, условнорефлекторный сон, произвольно вызываемый у самого себя. Наркотическая фаза. Понятно? Сомнамбулическая стадия. Понятно? Генерализованный рапорт, суггестия...

- Издеваетесь?

- Не понятно? Вот и дурак. Ну, ладно. Эта девица, как я сразу заметил, обладает удивительно редкой гипнабельностью, но это не гипнотический сон, это - состояние. Из девицы при случае могло получиться что угодно: художник, актер, поэт, или химик, математик, физик... Но случаев не бывает, и ничего не получилось, и ничего больше уже не

получится... А я не виноват, я - не случай. - Гипнотизер вздохнул. - Я тут ни при чем, не думал, что все случится так быстро. Пара месяцев, и человек готов. И, думаю, не без твоего участия...

- Но что же делать, что же делать?! - агроном опустился на ковер. - Неужели ничего нельзя поделаться?

- Попробуй. А лучше - ступай к черту. Наверное, кто-нибудь и может, но тебе это не под силу.

Агроном вскочил, подбежал к тахте.

- Улыбка, проснись, - тихо сказал он.

- Я не сплю, - отвечала она.

- Улыбка, давай поговорим. Сядь.

Она села.

- Скажи мне, зачем ты выходишь замуж за этого мазая?

- Массая, - поправила она.

- Хорошо, массая... Но зачем?

- А знаешь, бабушка у него была русская...

- При чем тут бабушка, какое мне дело до его бабушки...

- Не знаю, просто странно, он от этого ни капли не побелел.

Агроном вскочил и перебежал комнату по диагонали.

- Ну, хорошо. Оставим в покое бабушку. Но зачем тебе понадобилось все это?

- Что?

- Выходить за него замуж!

- Он сделал мне предложение.

- Но я, я тоже делал тебе предложение.

- Тебя тогда не было.

Агроном отбежал к окну и уткнулся лбом в стекло.

Гипнотизер включил фонарь, по комнате закружились белые хлопья.

- Там не будет снега? - спросила она.

Агроном подбежал к тахте.

- Да, да, не будет снега! - набросился он на нее. - Не будет зимы, не будет травы, не будет грибов, сена, лугов, полей... А будет жара, такая жара, ну как в бане! Будут змеи, крокодилы... москиты!

- Что за москиты?

- Вроде комаров!

- Ну, комары меня не очень любят.

- Ну, а крокодилы? Представляешь, даже и не выкупаться - вся река в крокодилах.

- Интересно, если приручить крокодила...

- Чепуха!

- И не чепуха... - вмешался гипнотизер. - Я читал: один туземец...

- Заткнитесь вы со своим туземцем! - заорал агроном.

- Я что, я - молчу...

Гипнотизер обиженно засопел.

- Вот и молчите, - огрызался агроном.

- Не кричи на него, - сказала Улыбка.

- Да кто на него кричит? А ты опомнись, опомнись, пока не поздно, подумай...

Он бегал по комнате, а фонарь все крутился и комната проваливалась куда-то. Агроном разводил руками и поднимался над столом. Он летел по диагонали, покружил вокруг фонаря, уселся на шкафу, поболтал ногами... и вдруг с огромной скоростью понесся прямо на фонарь.

- Остановись!

Она вскрикнула, агроном расхохотался, комната ухнула.

На полу валялись осколки фонаря.

- Что же ты наделал? - протяжно заговорило над головой.

- Я говорила ему летать потише, - отвечала она.

- Им этого не объяснишь, - пробормотал гипнотизер.

Она ползала по полу, собирая осколки в подол.

Агроном лежал, и лица его видно не было. Она дотронулась до него.

- Ты разбился? - медленно спросила она. - Не надо было лететь на свет.

- Им этого не объяснишь, - пробормотал гипнотизер. - Они живут только сутки, и ничего не успевают познать. Уже ночь, и он прожил свое...

- Он разбил фонарь, куда же полетят остальные?

- Остальные полетят в костер, - протяжно заговорило в дальнем углу.

- потушите костер, потушите костер, потушите...

- Вы сами зажгли его...

- А-а-а-а-а-а-а...

Гипнотизер накрывал на стол.

- Проснулась? А не выпить ли нам чайку?

- А где агроном?

- Вон.

Агроном лежал на ковре, и лица его видно не было.

- Разбился... - прошептала она.

- Почему же разбился? - важно проговорил гипнотизер. - Я его усыпил. Уж больно расшумелся, пусть проспится...

- Старый болван, - сказал агроном.

- Так быстро? - огорчился гипнотизер. - Впрочем, такого психопата

не так легко усыпить... Чай будешь пить?

- Буду, - проворчал агроном.

- Тогда вставай. Ты как пьешь-то - вприкуску или внакладку?

- Внакладку.

Они сидели за круглым столом, мерно вращался фонарь.

- Самое главное - не читать лежа... - сказал гипнотизер.

- Я всю жизнь читаю лежа, - возразил агроном.

- То-то и видать, - заметил гипнотизер.

- На зрение не жалуюсь, - заявил агроном.

- Это смотря, что читать, - усмехнулся гипнотизер.

- Не все ли равно? - упрямылся агроном.

- Нет, не говори. Вот у меня две соседки, с десяти лет читали лежа, а в пятнадцать были уже в очках.

- Я всю жизнь читаю лежа, - повторил агроном.

- Дурак! - обозлился гипнотизер.

Помолчали. Гипнотизер взял газету.

- Ай-яй-яй!..

- Что случилось?

- Трагическая гибель Рене Лекомба... - прочитал гипнотизер.

- Париж. Во время шторма в районе Азорских островов погиб французский мореплаватель Рене Лекомб, который пытался в одиночку переплыть в небольшой лодке Атлантический океан...

- Доплавался, - сказал агроном.

- Любил плавать в одиночку... - сказал гипнотизер.

- Рене Лекомб... - повторила Улыбка.

Было рано. Выпал первый снег. Солнца еще не было, но снег был розовым и потому казался теплым. Тихие и розовые стояли деревья. Небо было очень низким и только у самой земли освещалось мягким розовым светом.

Массай шел сзади, Улыбка чувствовала, что идет он в ногу и наступает на ее следы.

Было тихо и очень много воздуха. Ветра не было, но воздух будто откуда-то прибывал. Из подворотни одного дома выскочил совсем молодой вислоухий щенок. Увидав снег, он сделал стойку и с громким лаем стал хватать снег зубами.

Массай издал победный клич и, держа зонтик наперевес, огромными прыжками кинулся на щенка. Щенок восторженно взвизгнул и, дружно лая, они помчались вдоль по улице.

Два мальчика проводили их глазами и, забыв про все на свете, побежали следом. Мужик перестал шататься и долго протирали глаза.

И только серенькая прозрачная женщина ни капли не удивилась.

"Ну, что ж: негр, щенок, розовый снег..."

Если бы пробежал тигр, она тоже бы сказала: "Ну, что ж..."
"И правда, ничего странного", - подумала Улыбка.

Платформа была совсем пустая, но розовый снежный ковер уже густо прошивали черные пунктиры следов. Массай хотел взять щенка с собой - ему не разрешали. Он горячился и показывал документы - но ему не разрешали...

Улыбка смотрела в сторону вокзала. Еще можно было различить, среди прочих, их следы: большие - массая, поменьше - ее, маленькие - щенячьи. Следы подходили к самому вагону. Она проследила их в обратном направлении. Следы уходили под навес и кончались. Но там, на привокзальной площади, они начинались снова, шли по улице, пустырю, и кончались у дома гипнотизера.

"Если пойти, ступая задом наперед, то можно придти обратно", - подумала она.

- Возьми на память... - перед ней стоял гипнотизер и протягивал ей ящичек - шахматную доску. - Тут монеты, которые тебе нравились, - говорил он.

- Спасибо, - отвечала она.

- Поищи там для меня соверен. Помнишь, я тебе рассказывал? Помнишь?

- Помню, - говорила она. - Поищу.

- Прощай, - сказал он.

- Прощайте, - сказала она.

Когда поезд тронулся, Улыбка задернула шторку на окне и легла. Когда же она проснулась, за окном было солнце и зеленое поле. У переезда стояла босоногая девчонка и махала рукой. Улыбка ответила ей и на мгновение почувствовала себя этой девчонкой. Но в следующее мгновение она опять спала.

Самолет она проспала целиком. Во сне слышала, как чей-то голос сказал:

"Летим над Атлантическим океаном..."

"Океанов всего четыре... - не просыпаясь, думала она, - Атлантический, Тихий, Индийский и Северный Ледовитый..."

"Рене Лекомб..."

Было жарко. Улыбка сидела на чемоданах. Перед ней была белая от пыли и солнца площадь. Справа, запряженные в повозки, стояли какие-то животные: не то ослы, не то волю. Слева - длинная белая постройка. Рядом, головой в тень, лежали черные неподвижные тела. Прошли двое мужчин в коротких штанишках. Две голые черные тени провели слона.

"Туфли-то совсем запылились..." - подумала она.

Достала платок, почистила туфли.

Потом поспешила палец и медленно вывела на пыльной шахматной доске круг, который означал не то луну, не то арбуз, не то баранку, не то просто - ноль.

Генрих ШЕФ

Этот тихий, как бы изможденный человек появился в объединении прозаиков при "Советском писателе" в начале шестидесятых. Общий его рисунок был нежен, таинственен и непривычен. Проза была прозрачна, психологична и настойчиво инфантильна. Он "расписался" в 1963-1964 годах. Его "лонг-шорт сториз" были, на мой вкус, первоклассны: "Митина оглядка", "Фигурончик", "Моя история с тополем"... Сюда я хотел бы поместить именно "Мою историю с тополем". Она и будет здесь невидимо стоять.

Он очень много написал. Наследие его безмерно: романы, повести, рассказы, эссе, стихи, письма. Ничего не опубликовано, кроме тоненькой книжечки самых ранних рассказов, в 1968 году, уже тогда не дававших о нем и приблизительного представления.

Он очень много работал. Он изучил самостоятельно живопись и написал много картин. Он самостоятельно изучил немецкий, английский, испанский и дальше не знаю, сколько языков.

Он получил вызов и подал на отъезд. Вместо визы он получил психушку.

Я не видел его последние лет десять, с тех пор, как он оттуда вышел.

Сейчас я нашел его, чтобы взять у него рассказ.

Он мне сказал своим тихим, размеренным, точным голосом:

"Знаешь, Андрей, если я напечатаю здесь свой рассказ, значит, я тем признаю справедливость всего того, что со мной сделали. Будто я печатаюсь, будто я нормальный, счастливый советский человек. Я не могу этого признать. Я не могу печататься в стране, где забирают здорового человека и делают его больным".

Я с ним был вынужден согласиться.

Последние десять лет он пишет по-английски научные статьи.

* * *

.....

.....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....

Валерий ПОПОВ

Появился в нашей прозе позже всех, году в 62-ом. Мне казалось, что страшно быть таким молодым и неопытным, как он. Прославился тут же повадкой речи и некой новой по стилистике душой. Он как бы предвещал собою следующее поколение, но застрял в нашем. Не знаю, сохранил он себя этим или угробил. Он последним вскочил на подножку оттепели, когда все уже замерзло. Впрочем, он достаточно и как бы "благополучно" печатается. Ведущий прозаик.

Но это именно ему принадлежит двестише:

Шли по лесу дровосеки,
Оказались гомосеки .

А также:

В октябре, в октябре
Все деревья... как в говне .

НОЧЬ

Как темно! Мы проходим наощупь.
Я веду тебя тихую, слабую.
Может, ждет нас ответственный съемщик,
Сняв с ковра золоченую саблю.
Вот окно. Два зеленых квадрата.
Станут тени зелеными, шаткими.
В сквер напротив придут два лунатика,
И из ящика выпустят шахматы.

Тени ночи вдруг сделались слабыми,
Темнота струйкой в люки стекает,
И овчарки с мохнатыми лапами
В магазинах стоят вертикально.
Ты берешь сигареты на столике,
Ты уходишь по утренней улице -
Там, где тоненький, тоненький, тоненький
Мой сосед в этот час тренируется.

ГАРДЕРОБЩИК

Стоит гардеробщик, сидит гардеробщик -
А вот почему гардеробщик не ропщет?
Карьера ему полагалась иная:
Он должен бы ночью стоять, где пивная,
И громко свистеть, чтоб мурашки по коже,
И шубы снимать с одиноких прохожих.

Но все получилось спокойней и хуже –
Раздав номерки, он сидит на диване,
И долго не может понять – почему же
Его так волнует процесс раздевания?!

Но вот, отогнав эти мутные волны,
Откинув со лба хулиганскую челку,
Он ходит веселый, он ходит довольный,
И вешалка сбоку походит на елку.

НА ДАЧЕ

Приведя свою тетю в восторг,
Он приехал серьезным, усталым.
Он заснул головой на восток
И неправильно бредил уставом.

Утром встал – и к буфету, не глядя!
Удивились и тетя, и дядя:
Что быть может страшней для нахимовца –
Утром встать – и на водку накинуться!

Вот бы видел его командир!
Он зигзагами в лес уходил,
Он искал недомолвок, потерь,
Он устал от кратчайших путей!

Он кружил, он стоял у реки,
А на клеши с обоих боков
Синеватые лезли жуки
И враги синеватых жуков.

* * *

Мы шли по хрустящим тропам,
По муравьиным трупам,
И лист, то с ольхи, то с дуба,
Вдруг падал к ногам, как рубль.

И вышли мы к сизым рельсам.
На них лист осины грелся.

Кончается бабье лето.
Кончается бабье лето...
Пожалуйста, два билета.

* * *

ПРУДЫ

Я помню, как однажды, голышом
Я лез в заросший пруд за камышом.
Колючий жук толчками пробегал,
И лапками поверхность прогибал...

Я жил на берегу, я спал в копне.
Рождалось что-то новое во мне...
Как просто показать свои труды!
Как трудно рассказать свои пруды!

Я узнаю тебя издали -
По кашлю, по шуршанию подошв,
И это началось не с пустяка -
Наверно, был мой пруд на твой похож!

Был вечер. Мы не встретились пока.
Стояла ты, смотрела на жука...
Колючий жук толчками пробегал,
И лапками поверхность прогибал.

* * *

Рид ГРАЧЕВ

Ведущий прозаик начала 60-х. Лидер.

Блокадник, детдомовец, многогранно одаренный и, по сравнению с нашей общей массой, уже и даже просвещенный человек. Рисовал, музицировал, читал в подлиннике экзистенциалистов.

Вера Панова провозгласила его в 1960 году самой крупной надеждой. С ним стали носиться. Но – не печатать. Суровая его проза была не по зубам ни ленинградским, ни (по какой-то другой, более подспудной причине) московским журналам.

В 1962 году в план "Советского писателя" попали две **наших** книжки – Рида и моя. Я пошел на то, чтобы в книжку вошло то, что можно было тогда напечатать. Рид же стоял на том, чтобы выпустить книгу на реальном собственном уровне, либо никак. У меня книжка вышла, у него – нет.

Я чувствовал себя младшим рядом с ним. Он, как и Горбовский, Кушнер, Голявкин и Вольф были моими учителями.

Например, Рид научил меня, что был такой Иоганн Себастьян Бах. Однажды идем мы по Невскому, чтобы купить, по его наущению, Глена Гульда. Выходим из магазина с пластинкой, а на углу Невского и улицы И.Бродского, около "Европейской", что напротив Думы, нам навстречу – сам И.Бродский (никто еще тогда не знал, что он и есть "сам"). "Что это у вас?" – показывает он на пластинку. "Трехголосые инвенции Гульда", – говорю я. "Трехголосные", – поправляет меня Бродский. "Много о себе думаешь", – почти подумал тогда я.

Сейчас у Рида наконец выйдет том, ровно такой, каким он его хотел в 62-ом.

Он бросил тогда писать, году в 64-ом...

"РАЗВЕ ПРОСИТ АРУМ У БОЛОТА МИЛОСТЫНИ?"

(эссе)

Это – заметки о молодой литературе, о нашей. О той, что произрастает здесь. Не назову ни одного имени: ни поэта, ни прозаика. Хорошо, что можно не называть: значит, есть общее, о чем говорить. Плохо, что можно не называть: значит, нет имени, способного выразить движение всех. И это – разве так уж плохо? Имя теперь давит другие. Вообще: имя – это человек в литературе. Людей в литературе было много. Литературы мало. Мало литературы в человеке! Еще никто не понимает, что тут нельзя устраиваться. Литература – то, что даешь, а не то, что под себя подставляешь. Не стул. Но многие об этом догадываются. И это хорошо. А понимают те, кто не носит рукописи в издательства.

Скоро издатели будут ходить с лукошком по лужайкам, где растет литература и собирать ее. Скоро издатели станут ухаживать за этим

растением, чтобы оно давало лучший урожай. Чтобы догнать и перегнать Америку, Германию и Францию. И Италию. И Швейцарию.

* * *

Что можно делать после Фолкнера? – спрашивают некоторые истеричные хулиганы.

Отвечаю хулиганам: после Фолкнера делать ничего нельзя. И после Пруста. И после Джойса. После Кафки. После А.Платонова, А.Толстого, М.Зощенко, И.Бабея, Ю.Олеши. После Манделштама, Ахматовой, после Заболоцкого. После всех. Тут уж ничего не поделаешь.

Говорят, где-то спилили на дрова последнюю секвойю, которая помнила мамонтов. Что можно делать после такой секвойи? Можно только горько рыдать у нее на пеньке. А другие секвойи будут шуметь вершинами вокруг. Им наплевать, что они не помнят мамонтов. Они себе растут из земли к небу. И не только секвойи. Также – березы. Елки. Еще сосны. И даже рябины. И так далее. И никто не спрашивает – зачем они растут? И почему они такого роста. Почему их столько. Растут себе и растут. Не надо их только пилить на дрова. "Берегите лес – он ваше богатство".

Кроме хулиганов никто молодую литературу ни о чем не спрашивает так же искренне. Отвечать больше некому.

* * *

Нас уже любят. Пишут рецензии, издают книжки. Уже толкуют и пытаются понять. Это от любви. Потому что сами себя мы еще не понимаем: возраст не тот. А кто сказал, что самое главное – себя понять? Классифицировать. Табличку повесить. На четвертую полку справа от окна положить. Пусть уж лучше мы растем, а нас пусть уж лучше понимают. Со стороны видней. Не надо только пилить на дрова.

А некоторые уже пытаются сказать, что они обо всем этом думают. О чем – обо всем? О чем – об этом? Разве просит арум у болота милостыни?

Арум – болотное растение. Когда болото высыхает, ему трудно расти, и он "просит милостыни" у болота – воды. А когда "ночи дышат жаром, тропинками гнилостными" – тогда ему просить не надо. Ему воды хватает. Даже "гениальное бормотанье" можно понять и толковать. А лучше – не надо. И так все хорошо. Прекрасно.

* * *

Еще одна попытка доказательства: в стране Индии одного ребенка заперли в башне, и он ни с кем не разговаривал. Когда его выпустили из башни, чтобы проверить, как он будет говорить, на каком языке, он всех удивил. Он стал говорить на своем языке, состоящем из гласных и

согласных звуков. Но в стране Индии с ним дурно обошлись. Его сразу принялись учить своему языку, чтобы он мог на этом языке рассказать, как ему было в башне. А он не мог! Он мог только на своем. А у него свой отобрали. Нужно эту ошибку учесть на будущее. Если кому-нибудь интересно, как жилось в башне индийскому ребенку, нужно **внимать** ему, чтобы понять его язык. Тем более, что тот язык, которому пытались ребенка обучить, был уже так затоптан, что его давно пора было выбросить. И если не выбрасывали, то потому, что – как же это без языка? Боязно. Молчать боязно.

* * *

Маленькая поправка к попытке доказательства: чтобы в стране Индии не возникло спора о том, кто кого какому языку должен обучить, там нужно договориться, чтобы ребенка не подменили. Чтобы обязательно был из башни. Из своей собственной. Из которой он смотрел на все вокруг, из которой он смотрел на все вокруг, из которой ему было хорошо и плохо, из которой ему что-то открылось, о чем он может рассказать на своем языке. А то бывает так, что не сидел ребенок в башне, на затоптанном языке говорит, а делает вид, что все совсем не так. И еще бывает: по чужим башням набегался, научился там и теперь тоже делает вид. А всего хуже, когда и в башне сидел, и что-то ему открылось, а языка нет. Но, по правде, если ему открылось, так он не будет обижаться, что без языка, а будет радоваться, что у кого-то язык есть, и что все равно все будет сказано.

* * *

А что будет сказано? Может быть, будет сказано просто, что ребенку в башне очень хотелось пить, а воды не было, что он представлял себе, как пьет, как по щеке капелька маленькая течет, на коже высыхает, и прохлада изнутри поднимается, плавность возвращает телу. Или, что есть он хотел, корочку простую сосать, кислую сначала, потом сладкую во рту; как она, корочка, по горлу течет, горло дрожью сводит. Или – как хотел он себе на горячую спину – руку чью-то, ладошку. Чтобы от нее искорки колючие под горячую кожу уходили, глубже, все глубже, прохлада возвращали, покой, радость тихой наполняли.

Только зря я все это говорю: не то будет сказано, и не так, потому что – на своем языке. А так – скажут: было, было, не хотим, надоело. Или еще что-нибудь похуже.

* * *

Вот еще в детском саду у ребятишек правильно устроено: у них шкафчики – помните? – и на каждом: то яблоко, то груша, то велосипед. Потому что дети грамоты не знают, а шкафчик свой нужно найти. Вот он и

знает: я – яблоко, а Петя – велосипед. Только потом, как вырастет, путаться начинает: я, говорит, главный, а Петя – не главный. Или наоборот: почему я не главный, а Петя – главный? А на самом деле он просто яблоко, а Петя велосипед.

Хуже всего эти детсадовские дети, когда, выросши, начинают соревноваться: я семь очков набрал, а ты – пять. Я во чего могу, а ты – во, ничего. Или: я тебя поборю. А на самом деле – то он – груша, а он – велосипед, и говорить – то им не о чем. Нечем.

* * *

Один гениальный старичок жил в своей башне, и кто-то даже радовался, что он существует, хотя ни с кем он не общался и не знал никакого языка, кроме своего. У этого старичка все получилось наоборот: сначала он пользовался общим языком, потом придумал свой, и уже под конец сам поселился в башне. От этой неразберихи вышла в конечном счете какая-то бомба, потому что те, кому не пришлось поселиться в башне и найти свой язык, кинулись на язык этого старичка, перевели его на затоптанный и в итоге сделали эту пошлость.

Тогда старичок перепугался и стал думать, как сделать так, чтобы люди этой пошлостью себя не прикончили. И ничего не придумал, кроме крику, что нельзя, что опасно, что люди могут себя окончательно убить. Словом, тот же затоптанный язык. И было непонятно старичку, как это получилось все. А нам уже понятно. Потому что у него все как-то не так выходило, не в той последовательности. Сначала веточки, потом ствол, а корни некуда девать. И язык вышел уязвимый. Можно его, как оказалось, ополить.

* * *

Только как это делать, чтобы неуязвимый вышел? А все из 33 букв, из 150 000 слов. Тоже неправда, не с этого конца. Из этого песочка только. И чтобы вышло то, чего не было. Не крепость, не дом, не куличи. Трудно это, потому что все с детства формочками фабричной штамповки играли. Правда, некоторые только притворялись, а на самом деле сидели у себя в башне и ничего такого не понимали. То есть, все им не так казалось. Не наоборот, а просто не так. Наоборот тоже ведь скучно: как в зеркале; левое – правое, правое – левое.

Дальше совсем занятно выходит: и те, кто штампованными формочками играл, уже больше не хотят. Надоело. А другими не могут. И мало, и добраться трудно. Самое-то славное, что хотят других. Только магазины поперек дороги стали. Там у них, в магазинах, чего только не выдумают, чтобы формочки купили. И те же самые, только наоборот, продают, и другие, изнанкой наружу. И если вы, к примеру, собственные можете предложить, так и их приспособят. Выход простой – не потакать магазинной

привычке. Тихонько-тихонько слушать, а как выходит, если только из себя? Какие формочки получаются? И вот как своя получится, совсем своя, которую магазины и за формочку-то не считают, так, значит, и получилось. Магазины не к чему придраться. Все-все - как не надо получилось. Как не бывает. Только насиловать себя ради этого не нужно. Елки-то сами, как дано им, растут. Искусственные тоже ведь не считаются. Их только в казенных местах ставят, в тех же магазинах и прочих учреждениях.

* * *

Вот, начал путать: песочек, формы, елки. Прояснять придется. При помощи березки. Растет в лесу березка. Из нее растет ветка. Между стволом и веткой получается угол. Этот угол для разных целей можно приспособить: можно вместо ступеньки, чтобы на березку лазить, можно птичке гнездо свить. Рогатку можно вырезать. Но среди березок так не бывает, чтобы специально росла для рогаток и даже для гнезд. А у нас бывает. Потому что мы страшно хотим быть полезными. А хотеть быть, наверное, не надо. Надо быть. Изрежут на рогатки, потом худо будет. Поди, доказывай, что у тебя раньше были корни, веточки и листья. Скажут: молчи, ты, рогатка! А пока березка стоит, никто такой гадости не скажет. Скажут: вот береза. Послушают, о чем она на ветру листьями шелестит.

* * *

Раньше думали: какая от березок польза, кроме названных выше. Умные люди объяснили, что от каждой березки пользы нет, а от леса есть. Воздух от него чище, кислороду больше. Кроме того, своими корнями лес не пускает землю стать пустынной и препятствует суховеям, принимая их на себя.

Им-то тогда хорошо было! У них лесу столько было, что нам и не снится. Поэтому им простительно было говорить такие глупости. Они и не догадывались, какие на нас налетят суховей. Не подозревали, как начнут рубить лес, и как щепки полетят. Не представляли, что лесу останется - по пальцам пересчитать. По березкам. По елкам. По рябинам. По секвойям. Что не только там кислороду, а и сама атмосфера может от земли оторваться и в космос улететь, так ее удерживать некому.

Наша главная потребность - кислород. Мы его вдыхаем. А выдыхаем углекислоту. У растений же есть такая особенность: они все делают наоборот. Свой собственный кислород вырабатывают каким-то хитрым способом, известным науке и школьникам. Только наука и школьники не умеют вырабатывать свой собственный кислород. А, между тем, все нуждаются.

И скоро все это очень хорошо осознают. Потому что, говорят, меньше всего человек может без воздуха. Без пищи и воды куда больше.

Говорят, через три минуты он умирает от удушья.

На голой земле, лишенной лесов, на пыльной земле, теряющей атмосферу, человек скоро поймет, что ему самому нужно стать снова растением, укрепить землю корнями, защитить все зеленое от суховеев и выделять свой собственный кислород. И чтобы он не корчился в судорогах удушья, чтобы не синело его до сих пор что-то обещающее лицо, ему сегодня очень нужны березки. И елки. И все растения, раз они умеют расти и выделять свой собственный кислород.

* * *

Все, тут написанное – не мысли. Мысли – это когда умирающее дерево в лесу по сложной подземной системе передает свои силы молодому, чтобы оно лучше зеленело. У нас такого не было. Тех, кто мог нам отдать свои силы, давно вырубил. Или они умерли до нас. Или засохли на корню. Мыслей ни у кого нет. Это скоро поймут те, кто думают, что они у них есть.

Все тут написанное – не намеки, а простая попытка что-то доказать, не прибегая к мыслям, которых все равно нет.

Все тут написанное, по мнению автора имеет прямое отношение к молодой литературе, хотя тут не названо ни одного имени и не разобрано ни одного произведения ни в стихах, ни в прозе.

Все тут написанное составляет совершенно личное и крайне субъективное мнение автора, на котором он не настаивает.

Единственная мысль, жестоко насилуемая здесь, занята на стороне, у О.Мандельштама. Привожу ее целиком:

"Разве просит арум
у болота милостыни? –
Ночи дышат жаром,
Тропиками гниlostными..."

"Пастернака почитать – легкие прочистить, кислородом наддышаться".

* * *

Редактор
А.МИХАЙЛОВ

Художественный редактор
И.БЕЛОГОРЛОВ

Технический редактор
Т.МЕЛИХОВА

Подписано к печати 10.05.91.

Формат 60 x 90 / 16.

Бумага офсетная

Печ. л. 6.

Уч. изд. л. 7.

Тираж 10 000 экз.

Цена 3 руб.

Отпечатано с готовых диапозитивов

Ваши отзывы направляйте по адресу:
101000, Москва, ул. Кирова, 40,
Производственно-коммерческий кооператив "Аюрведа"